

Сборник статей по материалам конференции

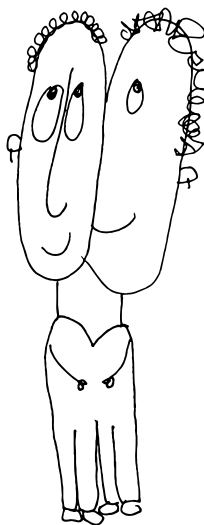
ЛГБТКИА-браки и партнерства

Вызовы семейным
ценностям
в современном
обществе

РЕСУРС
ЛГБТКИА МОСКВА

Москва
2016

УДК 304.2
ББК 60.54
С23

С23 Сборник статей по материалам конференции.
ЛГБТКИА-браки и партнерства. Вызовы семейным ценностям в современном обществе. — Москва, 2016. — 200 с.

ISBN 978-5-4431-0089-0

Сборник статей посвящен темам, которые поднимались и обсуждались в докладах и выступлениях, а также на практических семинарах Второй семейной ЛГБТКИА-конференции 14-15 ноября 2015 года в Москве.

Здесь вы сможете познакомиться с современными взглядами на семью и партнерства, узнать о многообразии семей и отношений, о сложностях воспитания детей в ЛГБТКИА-семьях в условиях нетолерантного общества. В Сборнике вы найдете уникальную информацию об особенностях и проблемах транс-семей в России, рассказанную от первого лица, и многое другое.

В Сборник также включены живые отклики с конференции, читая которые вы сможете погрузиться в атмосферу мероприятия.

Кроме теоретической информации, в Сборнике можно найти практические знания, полезные как для профессиональных психологов и исследователей, так и для широкой аудитории ЛГБТКИА-сообщества и всех, кто интересуется данными вопросами.

УДК 304.2
ББК 60.54

ISBN 978-5-4431-0089-0

Содержание

Данила Гуляев

Многообразие семей: что значит
быть семьей? 5

Анна Варга, Гражина Будинайте

Современный брак: новые тенденции..... 17

Анна Гизуллина

Проблемы гомосексуальной семьи
в условиях гомофобной психологии 61

Елена Гусятинская

Зачем нужна семья? 75

Антон Макинтош

Семьи и партнерства трансгендерных
людей: вызов традиционным семейным
ценностям 81

Александра Кабатова

«Слепые пятна» или вопросы,
которые мы не замечаем 93

Ольга Марк
«А у меня пять мам!» Представления
о семье, не вмещающиеся в генограмму..... 101

Люда Орел и Трикстер
«Любви все гендеры покорны»: перформанс
гендера в близких отношениях..... 127

Люда Орел и Трикстер
Влияние на людей и семьи «того,
чего не может быть»: беременности,
выкидыши и вынужденный отказ иметь
собственнорожденных детей
у транс-людей..... 139

Екатерина Петрова
Домашнее насилие
в ЛГБТКИА-партнерствах 147

Юлия Малыгина, Анна Голубева
Встреча Радужных семей. Коллективный
документ 161

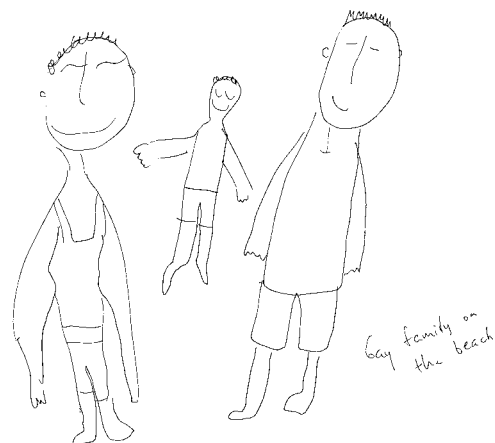
Рэйда Линн и Саша Крик
Рекомендации по недискриминационному
общению для участников конференции..... 171

Отклики от участников
о конференции..... 179

Многообразие семей: что значит быть семьей?

Данила Гуляев

психолог, нарративный практик

В нашем обществе институт семьи стал все больше похож на закрытый привилегированный клуб. Если человек хочет попасть в него, то он должен соответствовать множеству требований и выполнять множество предписаний. Жизнь при таком подходе к семье становится для людей не столько возможностью обрести полноту жизни, сколько непрерывным испытанием на соответствие стандарту.

Не для всех людей эти требования оказываются выполнимы, поскольку их личные особенности не проходят через этот жестко отстроенный фильтр. Они либо должны скрыть свои особенности и отказаться от своих предпочтений, либо отказаться оттого,

чтобы создавать свою семью. И таким образом они не только лишаются возможностей выстраивать свою семью, по крайней мере в официальном пространстве, они оказываются лишенными и социальных прав, которые дает государственное и социальное признание семейного статуса. В российском обществе это приводит к дискриминации. Отсутствие официальной семьи ставит человека в маргинальное и стигматизированное положение. Он может встретиться с предвзятым отношением со стороны работодателей и государственных органов — например, ему могут отказать в устройстве на работу. Уголовное преследование может ужесточаться для людей, у которых нет официального брака и детей. Кроме того, люди вне официальных семей сталкиваются с социальным давлением и микроагрессией со стороны окружающих. Это давление может быть перенесено внутрь человека, интернализировано, и проявляться в виде чувства несостоятельности, стыда за себя, аутоагрессии, в целом снижать психологическое благополучие и качество жизни.

Эти эффекты можно связывать с тем, что доминирующее понимание семьи является отсекающим, исключаящим людей, а не инклюзивным, включающим. Критики такого подхода к семье называют его фамилизмом. Это понимание семьи как ячейки общества, которая обладает объективно установленными свойствами, должна соответствовать строгим критериям и нагружена предписанными функциями. При таком понимании семья оказывается объективирована — она уподоблена феноменам материального мира со своей структурой и качествами. И научное познание изучает эту структуру как неизменную, а государственные и консервативные социальные институты охраняют эту ее неизменность. Этот подход подразумевают позитивистскую философию познания, согласно которой мир состоит из доступных для прямого познания объектов, которые мы можем изучать при помощи объективных методов. Люди, их отношения, в том числе и семьи тоже оказываются объектами в рамках такого изучения. А при помощи структуралистских

описаний им приписываются внутренние свойства. Научные и официальные определения того, что такое семья, выглядят как нейтральный акт познания. И невидимым остается политический аспект этого. Давая четкое определение, что такое семья и какими свойствами она обладает, мы устанавливаем социальный порядок, определяющий жизни людей, дающий привилегии одним и дискриминирующий других. Такое определение семьи оказывается нормативным — реальные семьи сравниваются с идеальным стандартом, реальное воплощение которого практически невозможно найти. По сравнению с ним реальные семьи всегда оказываются в чем-то недостаточно хорошими.

Главными критериями брака оказываются официально зарегистрированный брак и кровное родство. Люди, которые не могут зарегистрировать брак и не состоят в кровном родстве, семьей не считаются. Такие критерии создают привилегию для гетеросексуальных людей — особенно в тех странах, где браки возможны только между представителями мужского и женского по-

лов, и дискриминируют гомосексуальных, гендерно-небинарных и асексуальных людей. Также дискриминируются полигамные и полиаморные семьи, и традиционные общины, которые хотели бы выполнять функцию семьи для детей. Альтернативные способы быть семьей, организовывать совместную жизнь исключаются из общественного, оказываются словно бы вне закона. Еще одна особенность фаилистского подхода — жесткое патриархальное распределение гендерных ролей, которое создает неравные возможности и права для людей разного пола и разных гендеров. Цисгендерные мужчины должны быть прежде всего добытчиками, а цисгендерные женщины — хранительницами очага. В реальных семьях это часто приводит к конфликтам и дисбалансу власти в семьях. Мужчины оказываются исключены из домашнего взаимодействия, из отношений взаимной заботы и эмоционального тепла. А женщины оказываются обделенными в реализации своих способностей и интересов, в возможностях карьерного роста.

Как альтернативу такому структуралистскому подходу к семьям, критики фамилизма предлагают социально-конструкционистский подход. При таком подходе семья описывается и понимается не как объект, а как процесс. Главное здесь не то, что такое семья, а что значит быть семьей. Я хочу рассказать об исследованиях, которые провели в начале 2000-х канадские исследователи во главе с Лесли Беллой¹. Изначально я познакомился с этими идеями благодаря статье психолога и нарративного практика Дарьи Кутузовой «Быть семьей»: взгляд с точки зрения социального конструкционизма»².

Такое понимание дает людям с разными особенностями, предпочтениями и мировоззрениями создавать семьи, потому что главный принцип признания людей семьей здесь инклюзивен. Он не исключает и не отвергает людей, а благодаря гибким критериям расширяет понятие семьи для большего многообразия и равноправия. Можно ли дать четкое определение, что значит быть семьей? В конструкционистском подходе важно помнить, что давать определение —

это политический акт, который может обладать властью, а значит дискриминировать людей, особенности которых не будут учтены в таком определении. Поэтому определения признаются «неудовлетворительными, но реалистичными». Так, исследовательница Маргрит Айхлер³ определяет семью как «социальную группу, в состав которой могут входить, а могут не входить взрослые обоих полов, могут входить, а могут не входить дети; взрослые в составе семьи могут состоять, а могут не состоять в браке, могут проживать вместе или по отдельности, могут иметь сексуальные отношения или не иметь таковых». В конструкционистском и постмодернистском понимании семья — это не статичная данность, которая либо есть, либо рушится. Семьи каждый раз воссоздаются в отношениях людей через работу чувств.

Можно примерно обозначить критерии, при помощи которых мы можем понимать, что речь идет о семьях, а не других видах человеческих объединений и союзов. Один из таких критериев — это устойчивость во времени. Краткосрочные близкие отношения

между людьми необязательно могут вести к созданию и дальнейшему воссозданию семьи. А устойчивость позволяет быть семьей на протяжении более-менее длительного времени. Еще одно измерение — устойчивость по отношению к житейским задачам, проблемам и испытаниям. По ходу совместной жизни люди проходят через сложные житейские и социальные ситуации, которые требуют от них сотрудничества в преодолении затруднений и решении совместных задач. Можно ожидать, что еще одним критерием может быть романтическая любовь, но это сузило бы возможности быть семьей для аромантических людей, для кровных родственников и т.п. Поэтому более широким критерием становится близость между людьми как особое эмоциональное знание друг друга, выделение друг друга среди других людей. Такая близость необязательно подразумевает сексуальную близость, хотя и может.

Еще один критерий семьи как процесса — взаимная забота. Исследователь Джован Тронто⁴ выделяет 4 измерения заботы. Во

первых, это забота как сердечное внимание людей друг к другу, равнодушие, признание уникальной ценности другого человека. Во-вторых, это забота как деятельное обеспечение благополучия друг для друга — готовность помогать в жизненных задачах и трудностях, поддерживать друг друга. Третье измерение заботы — уход за теми людьми в семье, которые в нем нуждаются из-за болезни, особенностей здоровья или возраста. Это необязательно должен быть уход самостоятельный — это может быть и найм сиделок или приглашение социальных работников. Четвертое измерение — готовность принимать ответную заботу от других членов семьи.

Отдельный критерий семейной жизни — это наличие общего домашнего пространства, где люди могут проводить время вместе, оставаться друг с другом, считать этот место своим, знать расположение нужных вещей в помещении. При этом, они необязательно должны постоянно жить вместе и в одном населенном пункте, но есть какое-то место, которое воспринимается ими

Многообразие семей: что значит быть семьей?

как общее, как пространство близости и совместного досуга.

Конечно, есть разные формы человеческих отношений, и не всем людям подходит семейный образ жизни как таковой. Но для многих людей, которые не вписываются в официальный доминирующий формат семьи, новое понимание того, что значит быть семьей, дает возможность большего признания. И реальные практики семейной жизни при таком подходе выходят из тени и получают шанс развиваться.

Список литературы:

1. Дарья Кутузова «Быть семьей»: взгляд с точки зрения социального конструкционизма»
<https://narrlibrus.wordpress.com/2010/07/21/fmaking/>
2. Bella L. (1992). *The Christmas Imperative*, Halifax: Fernwood.
3. Eichler M. (1986). *Families in Canada Today: Recent Changes and their Policy Consequences*, Gage: Toronto.
4. Tronto J. (1993). *Moral Boundaries: A Political Ethic of Care*, London: Routledge.

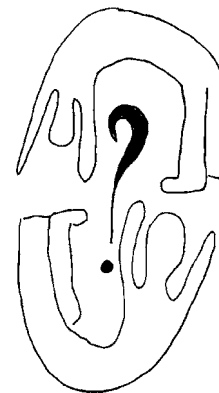
Современный брак: новые тенденции

Анна Зарга

*кандидат педагогических наук,
семейный психотерапевт (Москва)*

Трашкина Бугинайтэ

*кандидат педагогических наук,
семейный психотерапевт (Москва)*

*Перепечатано с разрешения авторов
из сборника «Системная психотерапия
супружеских пар», издательство
Когито-Центр.
Издатель Белопольский В. И.*

*Брак как общественно
сконструированное устройство совмести-
ности двух людей переживает кризис.*

Никто не счастлив одинаково, и все страдают по-разному. Нет больше общепринятых правил, как жить друг с другом правильно и хорошо. Количество браков уменьшается и в Западном мире, и в России. При этом везде растет количество разводов (однако в России разводов официально регистрируется больше — возможно, в силу все еще более частой регистрации браков). Так, по данным Росстата, у нас распадается каждый второй брак.

Ситуация изменилась качественным образом. Понимание содержания этих изме-

нений дает возможность увидеть трудности и ресурсы, возникающие при выстраивании супружеских отношений сегодня. Кроме того, такое понимание необходимо помогающему специалисту для эффективной работы.

* * *

Качественные изменения брачных отношений совпали с наступлением новой эпохи — эпохи постмодернизма, которая началась приблизительно в середине XX в. (строго датировать такие явления, проявляющиеся «неравномерно» в разных областях жизни, сложно). Постмодернизм расшатал все основные представления, нормы, ценности и стандарты предыдущей культурной эпохи. В значительной степени это касается и области супружеских отношений. До этого долгое время люди жили в условиях традиционного, патриархального брака, достигшего кульминации своего развития в эпоху Нового времени. Для этой эпохи были характерны вера человека в прогресс и торжество разума. Люди ценили порядок, в том числе и в семейной жизни.

Традиционный брак был основан на четкой иерархии, где мужчина главный, и на разделении функций в семье — мужчина содержал семью, но его основная деятельность протекала вне ее, а женщина занималась домом, хозяйством и детьми. Брак считался удачным, если люди добросовестно выполняли свои роли и функции: муж приносил заработок в семью, женщина старательно вела дом, экономила деньги, была внимательной, заботливой матерью. Жена должна была подчиняться мужу, слушаться его, жить той жизнью, которую он ей предлагал и — на те деньги, которые муж зарабатывал, быть там, где он находился. Общественно одобряемый муж не позволял себе насилия и жестокости по отношению к жене и детям. Одновременно с этим общество было терпимо к рукоприкладству в семье со стороны мужчины (его — по отношению к жене и обоим — по отношению к детям). Осуждались лишь увечья.

Брак был моральной обязанностью. Женщины в подавляющем большинстве находились на содержании либо отца, либо

мужа. Поэтому считалось, что холостяк поступал антиобщественно: не оставлял потомства и обрекал какую-то женщину на печальное одинокое существование. При этом брак мыслился как союз на всю жизнь. Фактически он редко длился дольше двадцати лет. Продолжительность жизни была небольшой, и до смерти одного или обоих супругов люди еле-еле успевали «поднять» детей.

Декларировалось, что половая жизнь вне брака недопустима для обоих полов, хотя негласно добрачные отношения мужчин допускались и даже поощрялись, в то время как добрачные отношения женщины строго осуждались. Это было связано с тем, что появление детей полагалось возможным у женщины только в браке, поскольку только это гарантировало нормальное, полноценное их воспитание — одинокая незамужняя женщина обеспечить ребенку такого воспитания не могла, автоматически обрекая его на жизненные тяготы. Нормальный брак, кроме того, обязательно предполагал рождение нескольких детей. Очевид-

но, что роль так называемой расширенной семьи была очень весомой. Жили большими семьями из нескольких поколений.

Многие браки заключались по слову родителей, по расчету. Любовь как основа брачного союза стала культурной нормой — наряду с до сих пор существующей идеей брака по расчету, не только финансовому, но и психологическому — лишь в начале XX в. Сексуальная совместимость не считалась, а в обществах, сохраняющих традиционалистский уклад, до сих пор не считается обязательной для брака, по крайней мере, для женщин. Таким образом, брак должен был быть основан на «духовной близости и родстве душ» (что на деле означало готовность обоих разделять общепринятые правила жизни), а плотская связь была необходима лишь для создания потомства.

Такому укладу соответствовало мироощущение людей, в котором эти законы понимались как общечеловеческие, объективные, «богом данные и природой обусловленные», а все отклонения от них рассматривались либо как злонамеренность, либо

как аномалия (социальная, психическая и прочая). При всех ограничениях, ими накладываемых, «в обмен» они предлагали ясность поведенческого сценария брачной жизни и правил поведения.

* * *

Традиционная семья в Европе уже с расцветом индустриальной эпохи в XIX в. начала претерпевать определенные изменения, которые к началу XX в. нарастали все быстрее. Эпоха, приведшая в своей кульминации к модернистской идее последовательного научного изучения и изменения на этой рациональной основе не только природы, но и социальной жизни (К. Маркс), психики (З. Фрейд) и т. п., не могла не повлиять и на патриархальный уклад семьи. При этом те страны, в которых индустриализация и другие модернистские преобразования прошли позже и в ускоренном темпе (например, Россия, Турция, Япония), претерпевали эти изменения, очевидно, иным («кентаврическим») способом, нежели Европа, — в существенной степени сохраняя традиционную

семью и в то же время приобретая черты некоторых, иногда очень явных (как в России в 1920-е годы) ее революционных изменений¹.

* * *

Время от начала и до середины XX в. было отмечено рядом социальных процессов, которые активно расшатывали традиционный брак. Часть этих тенденций и порожденных ими явлений нашло свое дальнейшее развитие в интересующую нас эпоху постмодернизма.

Таковыми «точками перелома» выступили:

- Эмансипация женщин. Женщины постепенно, но неуклонно добивались возможности получения образования, а затем и профессии; повысился личностный статус женщины — за ними было закреплено избирательное право (хотя здесь имеется большой разброс исторических дат в разных странах). Начался процесс смены соотношения «сил и функций» в традиционном браке, его привычный уклад оказался под угрозой.

- Все большее осознание роли сексуальных отношений и возрастающий интерес к ним. Эмансипация женщин, развитие и популяризация психоаналитической теории З. Фрейда, другие упоминаемые ниже факторы, с одной стороны, отражали, а с другой — способствовали нарастающим изменениям. Эти изменения пугали и на уровне общественной идеологии часто принимались в штыки. Например, повесть «Крейцерова соната» (1889), выступая, казалось бы, воплощением христианских исканий Л. Н. Толстого, выражающая ужас перед необузданностью «животных» проявлений человека и развивающая идею о необходимости ограждать женщин от секса потому, что у них есть нормальный нравственный протест против «животного», была запрещена в России. Переводы ее также запрещались и в Америке, поскольку рассматривались как открытое обсуждение запретной для «приличного общества» темы. Общество реагировало именно на этот аспект повести. Лежащая на поверхности идея Толстого о том, что

хороший брак не должен основываться на сексуальных отношениях, впечатления не произвела, потому что в обществе она была принята давно.

В 1928 г. в Англии выходит также очень «влиятельное» произведение «Любовник леди Чаттерлей» Дэвида Лоуренса. В нем высказывается прямо противоположная идея — хорошая сексуальная жизнь исключительно важна для женщины, из такого опыта может вырасти не только любовь, но и брак — на основе гармонии телесного и духовного, несмотря на очевидный мезальянс главных героев — аристократки и простолюдина.

- Противозачаточные средства более или менее современного типа появились с середины XIX в., их промышленное производство — с начала XX в., но до известного времени речь шла только о презервативах (заметим, что их появление вызвало разную реакцию церковей — протестантская церковь признала возможность их употребления, католическая и православная — нет). Тоталитарные режимы, как правило,

противозачаточные средства запрещали. Первые оральные контрацептивы, т.е. средства, которые могла использовать уже сама женщина по своему усмотрению, были изобретены к середине 1960-х годов. Это совпадает со временем так называемой «сексуальной революции», которая многими рассматривается уже как яркое проявление эпохи постмодернизма². Распространение противозачаточных средств привело к тому, что секс стал практически свободным от риска появления детей, и, соответственно, от брака. Страх беременности не мешал более сексуальному наслаждению. Кроме того, противозачаточные средства дали возможность супругам произвольно регулировать и планировать появление детей без отказа от секса. Наступала эпоха осознания значения и качества сексуальных отношений, широкого исследования сексуальности.

- Легитимизация развода. Практически все страны еще с начала XX в. прошли этот процесс, хотя он шел очень неравномерно (в католических странах — например, в Италии и Испании развод был узаконен только в

1970-е годы, в то время как Англия узаконила его еще в Новое время (1670!). При этом надо учитывать, что официальное признание возможности развода не равноценно его «легитимности» в общественном сознании. Но, так или иначе, все более последовательно закреплялась идея, что брак необязательно должен быть один, что можно и не состоять в браке, особенно если человек уже состоял в нем; соответственно, браков-союзов может быть за жизнь несколько, есть возможность прекращать отношения, если они не устраивают, стремиться улучшить их и т. п.

- Урбанизация — постепенная нарастающая миграция людей в крупные города, особенно выраженная с начала XX в., — создала необходимость соответствовать требованиям жизни в крупном городе³. Для жизни в городе ядерная семья (т. е. только пара родителей и их дети) подходит больше, чем многопоколенная. Снизилась роль патриархальных традиций в поддержании жизни семьи. Ослабло влияние расширенной семьи на ядерную, уменьшились возможности использовать старшее поколение для помо-

щи по хозяйству и уходу за детьми. Постепенно стал формироваться общественный институт «платной помощи» супругам — по воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства и пр. Изменилась роль женщины в семье — она стала работать, развиваться профессионально.

Есть показатели высокой статистической связи урбанизации с уменьшением рождаемости, что противоречит широко распространенному мнению о влиянии на падение рождаемости в первую очередь контрацептивов. Здесь при более подробном анализе обнаруживаются неоднозначные тенденции, прежде всего, так называемые «культурные различия» урбанизации⁴.

• Постоянный, начиная с конца XIX — начала XX в., прогресс медицины привел к постепенному увеличению продолжительности жизни и к увеличению сроков фертильности. Увеличение сроков жизни привело также к тому, что люди, вырастив детей, остаются один на один друг с другом и снова должны развивать свои супруже-

ские отношения. Поэтому вопросы обретения нового содержания, «смыслового наполнения» супружеских отношений стали очень актуальными. Кроме того, супруги все чаще, после того как дети покидали дом, оставались еще достаточно бодрыми и энергичными и постепенно получили возможность вести активный образ жизни, путешествовать, осваивать новые профессии и умения даже после выхода на пенсию, в том числе расширять и изменять круг своего социального общения. Зрелые годы перестали также быть помехой для развода и создания нового брака.

Итак, семья эпохи модернизма уже к середине XX в. перестала быть «расширенной», а все чаще становилась «ядерной» (ядерной), с уменьшившимся, по сравнению с традиционной патриархальной семьей, количеством детей. Разные поколения все реже жили вместе. Ядерная семья была более мобильной, меньше связанной с «родовым гнездом» и утратила ряд «сакральных» черт традиционной семьи, например, прерогативу сексуальной

жизни, а также единственного союза «на всю жизнь».

Все описанные выше изменения сопровождались характерными общественными настроениями: люди верили в прогресс, радовались революционным преобразованиям во всех сферах жизни, не одобряли косности, осуждали ретроградов. С другой стороны, все это сопровождалось ностальгией по доброму старому времени и патриархальному укладу. Классическая системная семейная терапия возникла как раз в это время.

* * *

Расцвет постмодернизма пришелся на 60–70-е годы XX в. В это время стали меняться жизненные правила и представления о них. Мы видим, что, например, супружеские функции в семье не просто не разделены столь жестко как раньше, а принципиально не фиксируемы, подвижны; женщины не просто равноправны с мужчинами — гендеры буквально могут обмениваться своими функциями и обязанностями; половая жизнь

до брака — на фоне неуклонно возрастающего числа незарегистрированных союзов — стала «само собой разумеющейся», и даже не развод, а именно «нерегистрируемый свободный союз» становится главным ответом на современные проблемы отношений.

Ключевой для постмодернизма выступает идея «относительности» всякого описания объективного мира, понимание любого утверждения о мире (в том числе и научного его описания) не как приближающегося ко все более «истинному воспроизведению объективного» (структуралистская логика), а как являющегося лишь «социально сконструированным» (постструктуралистская, или нон-структуралистская логика) и, соответственно, идея «полицентризма», принципиального эклектизма. Философским основанием постмодернизма выступают труды Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида, Ж. Бодрийара, М. Фуко и многих других (см. об этом, например: Ильин, 1996, 1998; Костикова, 1996). Постмодернизм критически настроен к идее каких бы то ни было «нормативных» ценностей. Ведь произошедшее в эпоху мо-

дернизма «накопление» концепций, теорий открыло факт их «относительности», множественности. Однако в конечном счете можно утверждать, что постмодернизм принес тем самым и новые ценности. Так, во главу угла оказались поставлены уникальность, специфичность, неуниверсальность, множественность, гибкость... Постмодернизм — это еще и предельное воплощение ценности индивидуального, уникального, превосходящего общественное, «абстрактный» общественный интерес со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Возникновение эпохи постмодернизма связывается с «реакцией» на модернизм:

- в первую очередь с восприятием закончившихся крахом и сопровождавшихся большим количеством жертв социальных преобразовательных проектов (Октябрьский переворот в России 1917 г., фашистская Германия 1933–1945 гг., Муссолини в Италии, Франко в Испании, Мао Цзедун в Китае);

- с развитием уже не «неклассической», а так называемой, «постнеклассической»

науки, т. е. признанием зависимости измерения не только от средств, но и от целей измерения⁵;

- с «переизбытком» накопленных способов описания, понимания мира в разных областях человеческой культуры — в философии, науке, архитектуре, живописи, социальных науках, в том числе и психотерапии; с преодолением излишнего «интеллектуализма» и оторванности концепций, описывающих мир, от мировоззрения и миропонимания «широких слоев» населения, с демократизацией;

- с концом индустриального общества и возникновением информационного общества массовой культуры, с массовым распространением творческого интеллектуального труда; постоянным возрастанием объема сферы услуг в экономике;

- с символическим концом западного господства в мире и процессом освобождения колоний, активно проходившим в 1940–1950-е гг., с выходом других этносов, культур на мировую сцену, где раньше «господствовал белый европеец»;

- с новым витком феминизма, отказом от жесткого увязывания норм и правил поведения с полом, а также с легитимизацией гомосексуальности и других нетрадиционных сексуальных ориентаций;

Эпохе постмодернизма соответствует и определенное мироощущение современного человека, сказывающееся, в том числе и в «брачных отношениях»:

1. Принципиальная неопределенность, множественность в отличие от четкости и однозначности. Постмодернизм в известном смысле поставил под сомнение стандарты, которые полагались в европейской культуре «само собой разумеющимися», указав на их культурную, социальную обусловленность и тем самым относительность, а не «абсолютность». Он «признал» этническое и половое равенство людей, «множественность» возможных культурных моделей социальных институтов, в том числе и брака. В этом смысле идея особой ценности «долгого верного брака», отношений «на всю жизнь» идеологически оказалась под сомнением так же, как и всякая другая «предпи-

сываемая» норма. Каким образом человек, живущий в культуре постмодернизма, может понять, хорош его брак или плох? Само по себе пребывание в браке более не видится как однозначно хорошее и правильное. Человек стал ориентироваться на чувства и ощущения: «если мне хорошо в этом союзе, значит мой союз правильный». А что делать, если стало плохо? Искать того, с кем будет хорошо? Жить одному? Терпеть плохое самочувствие? Возможно отсюда — рост количества гражданских браков, избегание «окончателности» брачных связей. Люди оставляют за собой возможность расстаться. Многие женятся, чтобы вырастить детей, и таким образом уходят от субъективности и неопределенности брачного союза.

Вместе с тем это нельзя рассматривать как явное «утверждение» каких-то других, «негативных» стандартов взамен привычных, что также противоречило бы идее неопределенности, столь характерной для постмодернизма. Это скорее ситуация осознания того, что «история», которая создается в браке, выбирается каждой парой не по

единому образцу — их много. Люди выбирают собственные сценарии или истории жизни со всеми вытекающими отсюда проблемами и возможностями.

2. Ирония и игра вместо пафоса. Ирония, юмор и игра стали ассоциироваться исключительно с человеческими свойствами. Смех — видотипическое свойство человека, и появилось даже выражение — «звериная серьезность»... Стала осознаваться невозможность для современного человека наивной серьезности в проявлении любовных отношений (об этом писал, например, Умберто Эко в «Заметках на полях „Имени розы“»). Ирония, направленная на брачные отношения, снизила их пафосность, придала некую профанность и супружескому сексу. Так, секс более не выступает ни исключительно вредным и убийственным, ни полезным и одухотворяющим, как это представлялось в эпоху модерна. Он во многом становится игрой, развлечением и приключением. Он может связывать, но может и не связывать людей никакими специальными узлами, когда он — просто удовольствие, «ни-

чего личного». Это, возможно, не отменяет сакрального, глубоко эмоционального отношения к сексу, но часто предполагает сочетание его с шуткой. Прекрасные описания такого секса можно прочесть у Генри Миллера, Чарльза Буковски.

3. «Текучесть», изменяемость. Взаимозаменяемость. Известный социолог Зигмунт Бауман ввел понятие «текучая, или жидкая современность»⁶, описывая последствия, которые привнесли в нашу жизнь компьютеризация, «гаджетизация». Люди стали подбирать себе партнеров на разовый секс, для коротких путешествий, для похода в театр, для брака по Интернету. Они стали друг для друга, казалось бы, легко заменимыми. Не обязательно со всеми знакомыми «строить отношения», в большом количестве случаев достаточно просто удалить контакт, если он стал чем-то неудобен или неприятен. Можно быстро найти себе другого партнера по общению. Общение становится фрагментарным, мы как бы общаемся не с человеком, а с его «функцией». Поэтому легче возникают повторные браки, «визитные» браки,

бинуклеарные семьи. Интернет создал возможность обезличенного общения. Можно глубоко и искренно общаться в Интернете и не знать ни настоящего имени, ни возраста и пола партнера по общению. Люди могут годами играть в сложную онлайн-игру и не видеть друг друга, хотя эмоциональный опыт совместного переживания у них может быть очень интенсивным. Виртуальный секс устроен примерно так же. Не нужно ничего объяснять. Задача выстраивать отношения, трудиться над ними, стараться приспособливаться к близкому человеку в быту кажется далеко не такой очевидной. Отчасти поэтому люди легко расстаются друг с другом, по крайней мере — в виртуальном пространстве, хотя это мироощущение может перетекать и в отношения «в реале». Не подошел один носитель нужных функций — найдется другой. В этом контексте формула любви С. Л. Рубинштейна как утверждения неповторимого своеобразия другого человека, кажется, утрачивает свой смысл...

С другой стороны, у людей, в особенности в юношеский период их жизни, появи-

лась возможность игрового «опробования» отношений там, где может быть много трудностей, неловкости, неумения. В этом смысле Интернет стал мощным источником новых средств для преодоления одиночества, ограниченных физических возможностей, временных периодов изоляции и пр., что может быть актуально для всех возрастов.

4. Универсальный гуманизм. «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак», — сказал Шопенгауэр, и сегодня многие с ним согласны. Люди перестали утилитарно относиться к животным, пытаются спасти исчезающие виды, зоопарки заменяются сафари-парками, возникли домашние питомцы, т. е. животные-компаньоны. Рост целой индустрии для них — корма, аксессуары, парикмахерские и ветеринары — впечатляет. Например, по данным American Pet Products Association, в 2001 г. на визиты американцев к ветеринарному врачу с кошками и собаками было потрачено 18,2 миллиона долларов.

За последние 10 лет количество домашних питомцев в США удвоилось. Эта тен-

денция совпала с появлением так называемого универсального гуманизма как одного из признаков постмодернизма. Раньше моральным считалось благополучие человека на земле даже ценой жизни других ее обитателей. Животный и растительный мир никто не берег, множество видов было истреблено, и это никого не расстраивало. Гуманизм был антропоцентричным. В нашу эпоху моральным стало оберегать природу, сохранять виды растений и животных и иметь домашних питомцев. Это привело и к обретению животными новой роли, функции в сфере эмоциональных, ранее сугубо «человеческих», отношений со всеми плюсами и минусами, отсюда вытекающими. Домашние питомцы становятся такими же членами семьи, как и люди. Они могут выполнять те же эмоциональные функции. Стали возникать семьи, состоящие из одного человека и одного животного.

Итак, в области семейных отношений постмодернизм проявляется прежде всего в том, что жизнь семьи все меньше регулируется «готовыми» общественными

нормами — традиционными или когда-то революционными — модернистскими. Все перечисленное повлияло на современный брак и превратило его в весьма специфическое для традиционного взгляда на него образование — с новыми сложностями и, возможно, преимуществами:

1. Мы видим удлинённый период добрачных отношений, который далеко не всегда заканчивается «законным браком». Виртуальное общение, возможность смены партнеров, добрачные сексуальные отношения нарушают традиционный сценарий ухаживания, «неминуемо ведущего к браку», и позволяют людям лучше сформировать свои сексуальные, бытовые, смысловые вкусы и предпочтения. Брак более не заключается и для того, чтобы «отрегулировать половой вопрос» (Ильф, Петров, 1961). Удачный секс — еще не повод для знакомства и уж тем более для брака. Они необходимы, но недостаточны. Еще нужно особое качество человеческих отношений — их эмоциональная, интеллектуальная и — нередко — духовная составляющие.

2. Наблюдается отказ от традиционного распределения половых ролей в супружестве, возник бикарьерный брак (движение к которому в действительности началось с процесса женской эмансипации в начале XX в.). Сегодня женщины часто зарабатывают не меньше мужчин; возрастает число браков, где и муж, и жена работают, и оба ориентированы на достижение собственной самостоятельной и независимой друг от друга карьеры. Хорошо, когда идею партнерских отношений сознательно разделяют оба. Однако, при сохранении ориентации и на традиционные стандарты в этой новой ситуации, дело выглядит так, будто мужчины все больше теряют власть и контроль в отношениях. Иерархия в браке тогда становится неустойчивой: то муж «на вершине», то жена. Положение на вершине иерархии всегда казалось предпочтительным, поэтому в современном браке часто идет борьба за власть и контроль. Женщине при этом приходится совмещать материнство и карьеру, отчего у нее возникает внутренний конфликт, так как и то и другое она часто

ценит одинаково высоко. Тогда в бикарьерной семье у женщин возникает много обид на мужа, который менее загружен дома, имеет возможность отдыхать, в то время как женщина занимается детьми и хозяйством.

С другой стороны, бикарьерный брак означает равные финансовые возможности обоих, а с этим связана финансовая независимость друг от друга, выводящая на первый план эмоциональную, психологическую зависимость, бывшие как бы «закамуфлированными» в прежнем, традиционном браке.

3. Вынесенность «вовне» традиционных хозяйственных функций, выполнявшихся в семье. Этот процесс идет с начала XX в., с нарастанием технического прогресса вообще, но сегодня для крупных мегаполисов можно констатировать практически полный «аутсорсинг» традиционных семейных функций — широкое и повсеместное использование мест общественного питания (сколько раз в неделю жители крупных мегаполисов с достаточно высоким достатком ужинают дома?), пунктов чистки одежды и прачечных, привле-

чение технических работников к помощи по уборке дома, по сути — возможность перераспределения и передачи «вовне» всей технической составляющей жизни семьи. Растет техническая оснащенность домов, квартир — компьютер, разнообразные сложные бытовые приборы, «умные дома» и прочее.

Кроме того, если женщина активно работает, то в дом приходит няня. Из-за этого размываются границы семьи. Няня — одновременно и член семьи, и не член семьи, поскольку является им для детей и не является — для родителей.

Свободное время часто протекает не на семейной территории — кинотеатры, театры, бары, рестораны, встречи с друзьями вне дома, возрастающие количество и частота путешествий.

Все это, с одной стороны, размывает границы семьи, делает их очень проницаемыми и невыраженными, а с другой — освобождает брачные отношения от хозяйственных забот, часто подменявших, затемнявших собой другие отношения.

Но заметим, что все это предполагает согласованное управление и совместный «менеджеринг» домашней среды, что можно рассматривать и как укрепление — на новой почве — супружеской совместности. Но как бы то ни было, брак лишился главного прагматичного смысла — хозяйственных функций, по крайней мере в их привычном виде, что вносит свой вклад в необходимость сегодня для каждой супружеской пары создавать свои смыслы брачных отношений.

4. Возрастание роли эмоционально-личностных и смысловых, ценностных факторов в супружеских отношениях. Все указанное выше ведет к возрастанию роли эмоционально-личностного фактора, фактора совместной смысловой общности в супружеских отношениях, поскольку утрачивается влияние «общественно одобряемых» стандартов брака, все меньше влияние «жизненных необходимостей», связывающих людей вместе. Практически единственной функцией супружеских отношений становится эмоциональный, смысловой обмен в паре. Поэтому брак становится все более

хрупким и трудным. Сексуальные отношения в паре могут получать особый статус в ситуации отсутствия многих привычных «уз». Выше мы показали, что секс как явление «вообще» как бы «освобождается от отношений», становится во многом игровым, в браке же он неминуемо включен в отношения. Поэтому он также может оказываться очень хрупким. Супруги ожидают, что секса будет много, что он будет приятно разнообразным, лучше непрерывным. В идеале в такой паре партнеры должны все время «хотеть друг друга». Если ситуация не такая, то растет тревога. Зачастую супруги начинают считать, что ослабление влечения друг к другу — это признак снижения качества отношений, «болезнь брака». Тогда выдерживать естественные колебания сексуального влечения, связанные с беременностью, кормлением грудью, стрессом на работе, болезнями, становится трудно. Секс сегодня — при условии переноса главного акцента в паре на него — одна из самых тревожных и незащищенных зон супружеской жизни.

С другой стороны, освобождение от «классических» стандартов и норм оставляет место для поиска новых, подходящих конкретной паре форм эмоциональной, смысловой близости, ценностных совпадений, в том числе и «интимных». Удлинение срока жизни, возможность образования новых отношений в зрелые годы также ставят вопросы нахождения новых эмоциональных и смысловых оснований брака в этих условиях.

5. Брак движется к многообразию вариантов союзов. Все больше стран легализуют гомосексуальный брак, возникают также бисексуальные союзы. Например, брак Гарольда Никольсона и Виты Сэквил стал сюжетом книги «Vita and Harold: The Letters of Vita Sackville-West and Harold Nicolson, 1910–62». Письма супругов подготовил к изданию их сын. Таким образом, факт публикации есть своего рода нормализация отношения общества к такому супружеству⁷.

Дальнейшее развитие медицины — ЭКО, суррогатное материнство, донорство спермы, продление фертильного возраста

женщины — привело к появлению новых форм родительства — одиночного (женского, например), совместного, но изначально не предполагающего супружеских отношений между партнерами, а также супружества и родительства однополых партнеров. Например, в американском фильме 2010 г. «Дети в порядке» («The Kids are all right») показана ситуация воспитания двумя женщинами двух детей, биологической матерью которых является одна из них. При этом дети родились благодаря донорству мужчины, который в какой-то момент решает начать общение со своими биологическими детьми. Фильм наглядно демонстрирует, с какими новыми задачами и проблемами может столкнуться такая нетрадиционная семья.

Распространенным явлением становятся также бинуклеарные (двуядерные) семьи. Супруги воспитывают детей от своих предыдущих браков и могут не иметь общих детей. Супружество и родительство оказываются все дальше друг от друга. Они могут осуществляться на разных территориях, если дети и кто-то из родителей живут

отдельно. В одном месте человек — супруг, а в другом он — родитель.

б. Наконец, в связи упомянутым выше явлением «универсального гуманизма» домашние питомцы становятся полноценными членами семьи. Они выполняют в семейной системе те же функции, что и люди: участвуют в гомеостатической регуляции и в развитии динамики семейной жизни (Варга, Федорович, 2010). Стали возникать семьи, где животные являются функциональными «детьми» супругов, а человеческие «детеныши» в ней не появляются. Есть семьи, которые состоят из человека и животного, и обычный брак в ней также не возникает.

* * *

Что же дальше? Ситуация сегодня выглядит так, будто брак — по крайней мере в традиционном своем понимании — перестает быть однозначно наиболее предпочитаемым образом жизни людей. Возможно, мы в скором времени столкнемся с множеством вариантов союзов, границы которых будут

размытыми и проницаемыми. Кроме того, возможно возрастание количества так называемых «визитных» браков, когда люди соединяются лишь на время, например, на выходные дни, а также количества людей, которые решат не вступать в брак и не создавать семьи вообще. Люди не могут не сталкиваться с задачей создания устраивающих их отношений. Уже сегодня, например, терапевтическая работа с ситуацией развода показывает, что все чаще поводом к разводу становится не просто измена, появление нового партнера или бытовые несогласия, а поиск более устраивающего личностного, эмоционального взаимодействия. Это один из существенных мотивов развода сегодня, когда партнер перестал быть интересен, когда контакт не устраивает, недостаточно насыщен, недостаточно «теплый» и пр. Таким образом, супружество все больше становится «линией» постоянного напряжения и смыслового поиска. Однако решать эту задачу, как мы показали выше, приходится в условиях, когда привычные стандарты и нормы совсем не так очевидны, как рань-

ше, и не выступают больше «само собой разумеющимися». Если они и становятся опорами и ориентирами, то в силу... собственного сознательного выбора людей. А это психологически — уже иная ситуация. В этом случае, когда выбирается брак (в форме зарегистрированного или свободного союза), возможно, мы все чаще будем сталкиваться с «сознательным отправлением» семейных функций, раньше выступавших необходимыми условиями выживания людей в семье. Например, традиционные семейные, хозяйственные занятия возрождаются сегодня уже в «новом качестве» — не в виде тяжелых или рутинных бытовых обязанностей, а в виде сознательно и тщательно культивируемых. Так, увлечение натуральными продуктами, их поиском и выращиванием (например, компьютерно-управляемая жителем мегаполиса грядка с овощами и травами), готовка по любовно собираемым рецептам, увлечение рукоделием, ведением дачного хозяйства без прежней необходимости, диктовавшейся простым недостатком продуктов — во

всем этом можно увидеть признаки «сознательного» возврата на новом уровне к традиционным ценностям.

Наподобие того, как фитнес выступает произвольно выбираемой физической нагрузкой в ситуации «объективной освобожденности от нее», сознательное поддержание семейных ритуалов — совместных ужинов, приемов гостей дома, приготовления пищи (возрастание популярности кулинарных школ является самым ярким подтверждением того, что готовка больше не является жизненно необходимым процессом — фактически городская семья вполне может выжить бы и без нее) — становится «искусственным», т. е. сознательным ответом людей на отсутствие «витальной» необходимости брачных отношений. Растет во многих странах и «произвольно регулируемая» рождаемость.

Таким образом, перспективой семейных отношений является, видимо, не столько их буквальное исчезновение, сколько ситуация большой вариативности их сценариев и, возможно, в большей степени их созна-

тельное регулирование и выстраивание каждой парой для себя.

Что все это означает для семейной терапии сегодня? Очевидно, семейные терапевты оказались перед необходимостью быть прежде всего более толерантными к возможному многообразию вариантов жизни супружеской пары. Терапевт в этой логике в меньшей степени может позволить себе выступать «экспертом», настаивающим на своем представлении о «правильном устройстве» супружеской жизни, хотя иногда растерянность людей перед ощущаемой ими новой ситуацией и толкает его к этому. В этом смысле представления о функциональности становятся лишь одним из вариантов возможных ориентиров для клиентов.

Жесткая нормативность взглядов терапевта не может больше быть эффективной сегодня. Даже если терапевт имеет некоторые экспертные представления о том, как должна быть организована супружеская жизнь, он уже не может проводить их в жизнь с помощью жестких авторитарных предписаний. Классические способы пря-

мых предписаний меняются. Так, например, в качестве средства эмоционального сближения супругов хорошо «работают» предписания игр (карточных, настольных), вместо парадоксального предписания конфликтов эффективнее предписывать игру в угадывание, сколько конфликтов создаст партнер. Прекрасно работает предписание завести домашнего питомца в качестве эмоционального посредника.

Перед терапевтами стоит также задача рефлексировать степень влияния на его профессиональную позицию разнообразных социальных установок, норм, а не только собственной жизненной ситуации (что было достаточным условием профессиональной готовности ранее). Эта тенденция наблюдается, например, в появлении в последние десятилетия «чувствительной к культурным отличиям» терапии (см., например: Agiel, 1999), поставившей под сомнение универсальность представлений о «функциональности» классической системной терапии.

Отрефлексированная нейтральная позиция предполагает сегодня создание ус-

ловий для свободного исследования клиентами связи их действий, представлений, способов поведения в супружестве с тем или иным культурным дискурсом, нормами; возможности их «встречи» с разными, многообразными дискурсами, часто «репрессированными», существующими в культуре и в пространстве их личного текста; «децентрации» оппозиций в их представлениях и смысловых ориентирах, признания «многоцентричности» последних; для самостоятельного нахождения клиентами ресурсов и конструирования подходящих им «решений» и собственной, уникальной истории супружеской жизни, взаимоотношений. Все это закономерным образом нашло отражение в методологии появившихся в конце XX в. так называемых постмодернистских психотерапевтических направлений.

Р. S. Пока мы писали этот текст, мы задумывались о том, что множество культурных и политических процессов, происходящих вокруг нас сегодня, выглядят как возможное начало уже какой-то иной, пост — или анти-

постмодернистской эпохи (например, национальная антилиберализация в Европе, которую при стремлении увидеть позитивное можно трактовать и как разворот в сторону сохранения и поддержания национальной самобытности, в противовес безоглядной «политкорректности» и глобализации; явная ощущаемая усталость от стилистики постмодернизма в искусстве — в архитектуре это давно «не модно», возвращается интерес к «большим мастерам» эпохи модернизма; кино, похоже, устало от флагамена постмодернизма Квентина Тарантино и его последователей, несмотря на всю их блистательность, и выдвинуло на первый план «новых титанов» типа Терренса Малика; в литературе молодые авторы все чаще заявляют о начале новой «героической эпохи»). Культурные тенденции, как правило, опережают всякие другие процессы и, наверное, они не так скоро, даже если они и сформировались, скажутся на такой области жизни, как психотерапия...

С другой стороны, постмодернизм — это определенное следствие решения слож-

ных методологических проблем, пока не найдено другого решения, и найти его, перешагнув через «состояние постмодернизма», совсем не просто. Кроме того, как мы старались показать, такая смена, произойди она, поставит под сомнения многие завоевания «терпимости», «плюрализма», столь органичные для сферы психологической помощи. Но, как бы то ни было, вопрос очевиден — что дальше?

Список литературы:

1. Ariel Sh. *Culturally Competent Family Therapy: A General Model*. Westport, Ct: Greenwood/Praeger, 1999.
2. *Vita and Harold: The Letters of Vita Sackville-West and Harold Nicolson, 1910–62*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1992.
3. Вапра А. Я., Фегорович Е. Ю. Домашний психотомец в семейной системе. *Вопросы психологии*. 2010, № 1. С. 56–66.
4. Ильин И. П. *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. М.: Интрада, 1996.
5. Ильин И.П. *Постмодернизм от истоков*

Современный брак: новые тенденции

до конца столетия: эволюция научного мифа.
М.: Интрада, 1998.

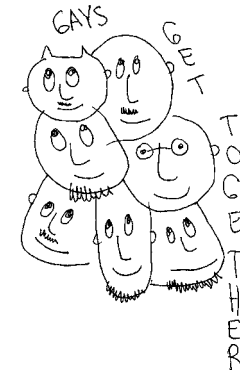
6. Ильф И., Петров Е. *Под куполом цирка. Собр. соч. В 5 т.* М.: Художественная литература, 1961.

7. Костикова А.А. *«Новая философия» во Франции: постмодернистская перспектива развития новейшей философии.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Проблемы гомосексуальной семьи в условиях гомофобной ПСИХОЛОГИИ

~~~~~
Анна Тизуллина

Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

Одной из самых серьезных проблем адаптации людей в современном обществе является возможность создания ими семейных отношений, максимально удовлетворяющих потребности членов этой семьи. Задачи семейного строительства являются непростыми для очень многих людей и поэтому они нередко испытывают потребность обращаться за консультативной помощью к профессионалам, компетентным в разных областях знания по вопросам семьи, в том числе и к специалистам-психологам.

В проводимых нами исследованиях мы уже поднимали вопрос о том, какое влияние может оказывать институционализованный в российском обществе гомофобия на

профессиональные качества будущих психологов. В частности нами была обнаружена значимая отрицательная связь между общим уровнем коммуникативной толерантности (а так же некоторыми ее частными показателями) и уровнем внешней гомофобии студентов-психологов¹.

Чтобы разобраться в том, какое понимание норм семейного поведения встречается и преобладает в представлениях российских психологов в 2014–2015 гг. мы провели специальный опрос. В исследовании приняли участие 78 человек в возрасте от 18 до 54 лет. Это были студенты-психологи всех форм обучения от второго курса и старше, включая магистрантов и слушателей курсов повышения квалификации для психологов. Проанализировав полученные данные, мы выяснили, что 81% опрошенных традиционной считают семью, состоящую из разнополой супружеской пары, брак которой официально зарегистрирован, и в которой воспитываются их родные общие дети (от одного до трех). Однако при этом «наиболее распространенной в нашей стране» такую

семью назвали лишь около 23% опрошенных (18 человек), почти столь же обычной, по мнению 22% опрошенных, является и «неполная» семья, где матери в одиночку воспитывают детей.

Четверть респондентов убеждены, что гражданский брак (отношения без регистрации) сейчас более распространены, чем официальная регистрация. Около 20% полагают, что семьи на основе повторных браков (с пасынками и падчерицами) встречаются чаще, чем семьи на основе первого брака, где все дети общие для обоих родителей. При этом около 6% (5 человек) опрошенных полагают, что у нас сейчас преобладают бездетные семьи, а 5% (4 человека) напротив, считают, что наиболее обычными являются, семьи, состоящие из нескольких поколений и имеющие много (то есть более трех) детей (кстати, более 15% опрошенных считают традиционными именно такие семьи).

Таким образом, выходит, что, по представлениям наших респондентов, на сегодняшний день в России разнообразных и «не

совсем традиционных» семей в сумме почти в три раза больше, чем эталонных «традиционных». То есть в основном семьи у нас — как раз «нетрадиционные», и казалось бы, если психологи собираются их поддерживать и способствовать процветанию и развитию этих ячеек общества, было бы неплохо это учитывать и с уважением относиться ко всему их разнообразию.

Но вопрос об однополых семьях показал, что этот тип семей вряд ли может пока рассчитывать на адекватную помощь отечественных психологов. Определенная часть опрошенных (13%) ответила, что «однополый можно считать родственную семью, такую, где взрослые одного пола совместно заботятся о детях — мать и бабушка, мать и тетя, дед и отец и т. д.». И при таком определении однополая семья вовсе не редкость в России. Вопрос «считаете ли Вы гомосексуальную пару, поддерживающую длительные и устойчивые отношения — настоящей семьей?» продемонстрировал, что для большинства опрошенных студентов-психологов (51 человек — 65,5%) такого рода семей

не существует, и пары любящих друг друга женщин (или мужчин) эти респонденты считать «настоящими семьями» не склонны. Отметим, что 31% опрошенных (25 человек) все же считают такие пары настоящими семьями, а 2 человека (2,5%) этот вопрос вообще проигнорировали. Хочется отметить, что 69% (54 человека) опрошенных считают себя толерантными людьми и уверены, что смогут оказывать адекватную помощь своему клиенту вне зависимости от его сексуальной ориентации, но при этом только 24% признали гомосексуальность и бисексуальность нормой сексуального поведения наряду с гетеросексуальностью.

Еще негативнее оказалось отношение участников опроса к гей- и лесби- семьям с детьми. Даже среди тех 25 человек, что считают гомосексуальные семьи нормой, почти половина (12 человек) считает, что воспитывать детей в таких семьях нежелательно. Причем 6 человек (50 %) из них убеждены, что гомосексуальность родителей негативно влияет на развитие детей, а другие 6 человек полагают, что детям в таких семьях плохо из-

за гомофобии окружающего мира. На фоне этого, по-моему, нет особого смысла цитировать гомофобные утверждения опрошенных из остальной части выборки (61 человек — 78%), основной посыл которых в том, что гомосексуальным людям нежелательно доверять ни родных, ни приемных детей.

Таким образом, из 78 будущих профессиональных психологов, опрошенных нами, всего лишь 13 человек (17%) убеждены, что в современной российской действительности гомосексуальные семьи не только могут вполне нормально существовать, но и благополучно воспитывать своих детей.

Учитывая вышеизложенное, говорить о профессиональной психологической помощи в решении глубинных проблем ЛГБТ-семей сложно, так как основной проблемой было и остается непринятие этих семей их окружением, как государственно-правовым, так и повседневным бытовым. Жить в постоянной тревоге — не примет ли завтра ГД очередной дискриминационный закон, и не начнут ли по этой команде троллинг соседи по дому, руководство на службе

или собственные родители — очень тяжело и никак не способствует психологическому здоровью семьи. А когда при этом не только люди весьма далекие от психологии, но и те, кто по профессиональному долгу призваны оказывать помощь своим клиентам и их семьям, тоже придерживаются общих негативных стереотипов и предубеждений против самого существования твоей семьи, ситуация может оказаться практически безвыходной.

Но тем не менее гей-, лесби- и трансгендерные семьи в России существуют, живут своей уникальной жизнью — счастливы или несчастливы каждая по-своему, решают, как и все прочие семьи, многочисленные проблемы, которые перед ними ставит наш непростой быт, и некоторые из них воспитывают детей.

Для ЛГБТ-семьи (как и для любой иной) круг основных проблем можно разделить на три слоя:

1) внешний — взаимоотношения с государством и обществом, правовой статус, доступность социальной поддержки, офици-

альные права и обязанности членов семьи;

2) повседневный — ближайшее окружение: родные и друзья, коллеги и соседи, врачи, учителя, родители и одноклассники детей — все те, в постоянном контакте с которыми проходит большая часть нашей семейной жизни;

3) внутренний — межличностные отношения в самой семейной структуре, мотивы и причины, чтобы оставаться вместе при всех жизненных и бытовых неурядицах, конфликтах и даже трагедиях, или же, наоборот, важнейшие факторы распада самых страстных романтических привязанностей.

Если рассматривать проблемы ЛГБТ-семей послойно, то внешний слой на сегодняшний день совершенно не радует, рассчитывать на опору и поддержку с этой стороны ЛГБТ-семьям никак не приходится. Скорее наоборот, этот слой вполне целенаправленно способствует деструктивным тенденциям в подобных семьях на всех более глубоких слоях.

В отношении возникающих внутрисемейных конфликтов решающую роль

играют личные особенности и сложившийся стиль детско-родительских отношений в исходных родительских семьях. Только высокий внутренний потенциал родительских семей позволяет преодолеть тяжелый конфликт каминг-аута и принятия «нетрадиционного» образа жизни своих детей, особенно в условиях планомерной дискредитации ЛГБТ-граждан и негативной пропаганды, развернутой в отечественных СМИ. Однако очень и очень многим семьям не удастся с этим справиться. Из моего личного опыта, самая частая из проблем, с которыми обращаются за психологической помощью вновь формирующиеся ЛГБТ-семьи, это конфликты с родителями, категорично не принимающими подобного рода отношений. «Выбирай: или мы, или твой партнер (твоя подруга)!» — вот чрезвычайно распространенный ультиматум.

К очень серьезным проблемам второго круга относится также коммуникативная замкнутость и самоизоляция ЛГБТ-семей. По мнению многих участников групп психологической поддержки для ЛГБТ, кото-

рые проводятся в нашем ресурсном центре, сама невозможность открыто присутствовать и полноценно общаться в кругу родных, в кругу друзей, на профессиональных корпоративах вместе с любимым человеком, в то время как членов так называемых «традиционных» семей там активно принимают и приветствуют — действует крайне угнетающе и очень мешает адаптации ЛГБТ-семей.

Не меньше тревоги вызывает у таких семей и необходимость обращаться по семейным, интимным или глубоким личным проблемам к врачам и психологам. Как мы уже убедились, многие специалисты-психологи разделяют предубеждения и стереотипы нашего общества, а профессиональное просвещение в вопросах СОГИ, так же как и в области профессиональной этики, увы, отнюдь не самое сильное место в нашем образовательном процессе. Не могу утверждать, но предполагаю, что подготовка врачей в этом вопросе несущественно отличается от подготовки психологов.

К сожалению, приходится признать, что для решения своих глубинных внутриличностных проблем, так же как и для построения полноценных семейных отношений ЛГБТ-гражданам и их семьям в большинстве своем приходится рассчитывать лишь на собственные силы и возможности и только на ту психологическую поддержку и помощь, которую стремится создать себе само ЛГБТ-сообщество. Однако подобные группы взаимной поддержки, так же как личные и семейные психологические и юридические консультации для ЛГБТ, организованы в России лишь в немногих больших городах, и специалисты могут оказать необходимую профессиональную помощь очень небольшому кругу участников.

Очевидно, что подготовка специалистов психологов на сегодняшний день во многих отечественных вузах абсолютно не рассчитана на гомосексуальных клиентов, ищущих помощи в решении своих личных и тем более семейных проблем, а институт самопомощи внутри сообщества тоже пока недостаточно развит. Если учесть, что, по самым скром-

ным оценкам, на долю гомосексуальных людей приходится от 4% до 9% любой популяции, кроме того, если добавить к этому числу еще и родителей и детей ЛГБТ-граждан, то получается, что мы оставляем без адекватной психологической помощи не менее 20% населения. И это при том, что многие в ней действительно остро нуждаются.

Подводя общий итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что проблема гомофобии внутри российского общества крайне негативно влияет на профессиональную подготовку и компетентность специалистов-психологов и уровень оказываемой психологической помощи.

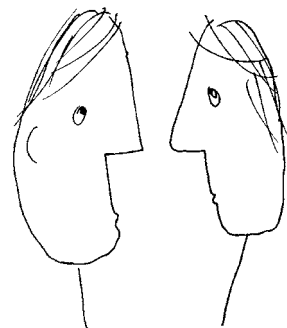
Список литературы:

1. Бровкина И.Н. Внешняя гомофобия у студентов-психологов// в сборнике научных трудов по итогам Всероссийского конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу студентов «Современные тенденции развития науки в молодежной среде» – Елец, 2015.

Зачем нужна семья?

Елена Тусятинская

*переводчица, хранительница
ЛГБТ-архива, Москва*

Когда мне называли тему конференции и пригласили принять в ней участие, я сначала отказалась.

Дело в том, что я всегда была противником семьи и не скрывала этого. Объясню: я никогда не боролась с семьей, не организовывала марши «Долой семью» и даже не отговаривала никого из моих друзей жениться или выходить замуж. Но я всегда считала брак институтом, связанным с государством, с его политикой, а так как меня и то, и другое чаще всего не устраивало, то и брак не устраивал тоже. Однако я всегда объясняла себе это особенностями своего характера и никому не навязывала своего мнения.

За годы существования Архива и Библиотеки (а это почти 20 лет) я видела, разговаривала, выслушивала мнения и истории большого количества людей самого разного возраста и жизненного опыта. И в большинстве этих историй рассказывалось о семье и, прежде всего, об отношениях с родителями. Я не социолог и не проводила статистических исследований. Могу говорить только о своих ощущениях, о том, что осталось в памяти. Выводы неутешительны. Чаще всего в семьях молодые геи и лесбиянки сталкивались с непониманием и отторжением.

Но мне доводилось, к счастью, слышать и другое: «Меня родители понимают и поддерживают. Они меня любят и принимают такой или таким, как я есть». Хотя подобное я слышала довольно редко. Зато гораздо чаще мне приходилось слышать еще истории о неблагополучных, а иногда на грани криминала, отношениях между родителями. И вот, имея негативный опыт в своей семье, в которой они родились и от которой никуда не деться, те же самые молодые люди всту-

пают в борьбу за право создать собственную семью, доказывают ее необходимость. Спрашивается, почему? Что ими движет? Желание создать хорошую семью, не такую, как у их родителей, семью, где между детьми и родителями будет взаимопонимание? Это очень похвальная, но и труднодостижимая цель. Кто-то с этим справляется, хотя далеко не все. Немало лесбиянок, преодолевших все сложности — моральные и материальные, создают ту семью, о которой мечтали, а эта семья, по тем или иным причинам, распадается. Однополые семьи сталкиваются с теми же проблемами межличностных отношений, что и гетеросексуальные. И я не открываю Америки. Люди влюбляются, сходятся, живут вместе, думают, что это навсегда и ... расходятся. Это нормально. Ненормально, когда нелюбящие люди продолжают жить вместе. По разным причинам. И заключенный брак — одна из таких причин. Но самые серьезные проблемы возникают, когда речь идет о детях. Я не хочу никого здесь пугать или учить, у меня самой нет детей, да и аргумент, «а я живу

Зачем нужна семья?

так, и это замечательно», мне кажется несостоятельным.

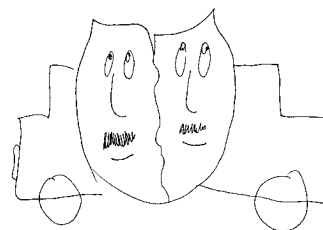
Но, все-таки, хочу еще раз произнести банальную истину: нельзя решать и решить свои внутренние проблемы с помощью брака и детей. А аргумент, что у гетеросексуалов еще хуже — не выдерживает критики.

И последнее: сообщество ЛГБТ, прежде всего, существует для того, чтобы озвучивать индивидуальные проблемы своих членов и бороться за их права. Но не только для этого. Мы должны сами проводить исследования, подобные семинары и конференции и обсуждать наши специфические проблемы. Потому что пока нас в обществе считают людьми иными, не такими как все, наши проблемы будут иметь специфический характер. И только изучая их, говоря о них, о нашей жизни, мы сможем показать и сами понять, что мы такие же, как и все, и каждый из нас имеет право на счастье, как он его понимает.

Семьи и партнерства трансгендерных людей: вызов традиционным семейным ценностям

Антон Максимов

*транс-активист, нарративный практик,
г. Санкт-Петербург*

Мир за последние сто с небольшим лет изменился стремительно и необратимо. И многие из тех конструктов, которые были рабочими раньше, стали совершенно неактуальны в этом мире. Один из таких конструктов — это «традиционная семья»: патриархальная, с жестким закреплением семейных ролей относительно биологического пола. «Традиционные семейные ценности» агонизируют и отмирают, и с этим связаны многочисленные попытки их защитить, как на личном, так и на законодательном уровне. Ведь то, что сильно и жизнеспособно, в защите не нуждается. И, пожалуй, последней соломинкой, ломаю-

щей спину этому верблюду, становятся браки и партнерства транс-людей.

Начнем с того, что само существование транс-людей уже является некоторым вызовом «традиционным семейным ценностям», поскольку пол, гендер и сексуальная ориентация, незыблемые и основополагающие с точки зрения патриархального дискурса конструкты, внезапно перестают быть жестко закрепленными. А если рассмотреть партнерства транс-людей с этой позиции, то, с кем бы транс-человек ни спал и ни жил, традиционно настроенному обывателю будет мерещиться в этом нечто гомосексуальное — либо с точки зрения пола, приписанного при рождении, либо с точки зрения того, что есть на данный момент. Об этом недвусмысленно свидетельствует, например, недавний законопроект о запрете браков для транс-людей¹. Законодатели пытаются предотвратить заключение однополых браков в России, поэтому «однополость» брака с трансгендерами вычисляют, согласно законопроекту, по полу, определяемому при рождении. На практике это означает сле-

дующее: для транс-мужчины после перехода, который выглядит как мужчина, живет как мужчина, имеет мужские документы и приписанный при рождении женский пол — будет запрещен брак именно с женщиной. Но и с мужчиной вступить в брак в этой ситуации вряд ли получится, поскольку ни один ЗАГС России не регистрирует брак партнеров с двумя мужскими паспортами. Пожалуй, самое «гетеросексуальное» партнерство, которое можно придумать для транс-людей — это брак транс-женщины и транс-мужчины. Но, кажется, и этому браку наши законодатели будут не особенно рады.

Браки и партнерства во многом являются вызовом и для самого транс-сообщества. Отношение к бракам и партнерствам внутри сообщества также менялось с течением времени. Еще лет десять назад внутри транс-сообщества существовали стойкие стереотипы относительно того, какими должны быть транс-мужчины и транс-женщины, причем это были именно патриархальные гетеросексистские стандарты:

транс-мужчина должен быть гипермаскулинен, транс-женщина должна быть как можно более феминна, все должны выполнять традиционные мужские и женские роли, как в обществе, так и в семье. И, разумеется, все должны быть строго гетеросексуальны: транс-женщины должны любить мужчин, транс-мужчины — женщин. Более того, была сильна идея о том, что транс-люди должны скрывать свою жизнь до перехода, желательно — разорвать контакты, переехать в другое место, начать с нуля.

Сейчас существенно возросла вариативность внутри транс-сообщества, все больше транс-людей выходят за рамки гетеросексистской матрицы, и их представление о браках и партнерствах существенно эволюционировало: многие транс-люди открыто декларируют свою би-, гомо- и пансексуальность, многие живут в однополых партнерствах.

Нередки случаи, когда транс-люди именно после перехода приходят к осознанию своей негетеросексуальности: ослабевает гендерная дисфория, наступает принятие

своего тела, человек проявляет больше внимания к себе и своим потребностям. К тому же, уходит необходимость всеми силами демонстрировать максимально стереотипную феминность и маскулинность.

А некоторые из транс-людей так или иначе сохраняют брак, который был до перехода условно «гетеросексуальным», и после перехода стал фактически гомосексуальным.

Даже те трансгендерные люди, которые состоят в гетеросексуальных отношениях, как правило, более вариативны и гибки в семейных ролях. И тут не в последнюю очередь сказывается опыт социализации в другом гендере. Это дает больше навыков, больше понимания и эмпатии к тому, что происходит «на той стороне». Плюс, прожитый и переосмысленный опыт стигмы также способствует уходу от стереотипного мышления.

Кроме того, все больше транс-людей уходит от бинарной гендерной модели, и с этой позиции идеи «традиционной семьи» становятся нерелевантны в принципе:

там, где нет бинарного разделения на мужчин и женщин, просто некуда закрепить традиционные гендерные роли.

Отдельно хочется остановиться на теме детей в транс-семьях. Транс-люди, как и подавляющее большинство людей, имеют репродуктивные возможности и, в принципе, вполне способны иметь своих биологических детей. Если раньше идея о «настоящем транссексуале» препятствовала реализации такой возможности (потому что «настоящие транссексуалы» не пользуются своими репродуктивными органами), а те, кто все же имели своих детей, чаще всего скрывали этот факт, то современные транс-люди нередко идут на такой шаг вполне осознанно. Наличие детей от «допереходного» периода уже давно не кажется в транс-сообществе чем-то необычным, хотя такие ситуации тоже во многом являются вызовом «традиционным семейным ценностям», потому что после смены транс-человеком документов у такого ребенка получаются два папы или две мамы. Но сейчас все чаще транс-люди хотят пользоваться

своими репродуктивными возможностями и после перехода: многим известна история американца Томаса Бити, который уже с мужскими документами, будучи женат на женщине, приостановил гормональную терапию и родил троих детей, поскольку его жена была бесплодна. И это далеко не единственный случай ни в Америке, ни на территории постсоветского пространства. Хотя в парах транс-мужчина плюс цис-женщина чаще всего рождает все-таки женщина.

Если говорить о разрушении традиционных семейных ценностей, то одно из понятий, которое перестало быть основополагающим и стабильным, это в принципе понятие «пары». Если для цисгендерного человека его гендерная и сексуальная идентичность, та, которая предписывается обществом на основании пола, может быть идентичностью «по умолчанию», то для транс-людей переосмысление и проживание своей собственной гендерной и сексуальной идентичности — вопрос первостепенной важности. И в процессе этого переосмысления люди часто создают более

сложные семейные схемы, чем просто пара. Нередко в этом процессе люди приходят к схемам открытых браков, полиаморных союзов и другим индивидуальным, нетипичным и нестандартным схемам. К таким сценариям транс-людей часто подталкивают и сами обстоятельства: в условиях мегаполиса, сложностей с жильем и трансфобной атмосферы в социуме транс-люди зачастую совместно снимают жилье. В итоге получаются транс-коммуны, которые функционируют как семья по выбору, вне зависимости от наличия или отсутствия сексуальных отношений между членами такой семьи.

Процессы пересмотра идеи семьи не могут пройти легко и безболезненно, как для общества в целом, так и для транс-сообщества, которое вольно или невольно находится в авангарде этих процессов. Но помимо очевидных в данной ситуации сложностей, в уходе от заданных схем и построении индивидуальных семейных и партнерских сценариев есть большая возможность роста для всех участников процесса.

Список литературы:

1. [http://www.asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=790069-6](http://www.asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=790069-6)

«Слепые пятна»
или вопросы,
которые мы
не замечаем

Александра Кабатова

*семейный психолог, гештальт-терапевт
(Москва-Ульяновск)*

Я семейный психолог.

Я работаю с детьми, взрослыми и семьями. Среди людей, обращающихся ко мне и моим коллегам с запросом о психологической помощи, есть и представители ЛГБТКИА, и ЛГБТКИА-семьи. И нередко оказывается, что одна из сложностей в процессе консультирования — это «слепые пятна». Много из того, что мы знаем, учили, слышали — хранится в памяти на уровне неосознаваемых убеждений. Что значит неосознаваемые? Это значит, что мы не отдаем себе отчет, как эти знания влияют на нашу жизнь, какое значение имеют при принятии решений, формировании суждений...

«Слепые пятна» или вопросы, которые мы не замечаем

Времена постмодерна, в которые мы живем, отличаются не столько разнообразием, сколько эклектикой: одновременно существуют множество моделей, способов — как жить, организовывать быт, определять приоритеты, формировать базовые ценности.

На практике это означает, что на консультацию приходят люди с разным жизненным укладом, системой ценностей, жизненных приоритетов и пониманием устройства жизни. И нередко у психолога и клиента кардинально разное понимание отдельных вопросов.

Часто встречаются люди, воспитанные в патриархальной системе. Это четко заданные патриархальные устои, которые транслирует старшее поколение. В таких семьях часто детьми-дошкольниками занимается старшее поколение — бабушки и дедушки. И естественно, что они передают внукам свой опыт и своё понимание приемлемого и недопустимого. Например, часто считается, что девочка должна быть скромной, послушной, должна заниматься домом, семьей. Мальчик же, будущий глава семьи, добыт-

чик, должен быть более активным, напористым. Дальше молодые люди идут в школу, продолжают своё формирование в другой среде, своё влияние оказывают ровесники, учителя, СМИ... И всюду мы можем почерпнуть мнения, суждения по разным темам. И во взрослом состоянии мы обнаруживаем, что в человеке в одно и то же время уживаются противоположные идеи, мнения, которые, не будучи осознанными, влияют на восприятие реальности и причудливым образом искажают его. И часто это ощущается как внутренний дискомфорт, как некая раздвоенность, утечка энергии и потеря направления. То, что было интроецировано, «проглочено» в раннем детстве входит в диссонанс с окружающей реальностью. Жесткое разделение по полоролевым моделям поведения оказывается не отвечающим современным реалиям и переживается как сложность доверять себе, своим суждениям, как недостаток внутренней опоры. Когда человек с подобным воспитанием осознает свою принадлежность к ЛГБТКИА — это часто внутренне ощущается как огром-

ная трагедия и полная потеря ориентиров, т. к. нет модели поведения, которым человек мог бы следовать, и невозможно применять те, что получены в родительской семье.

Так же и психологи оказываются не готовы к работе, если они не задумываются об особенностях, сложностях, переживаниях и вызовах среды, с которыми приходится иметь дело представителям ЛГБТКИА-сообщества. Знакомство с современными концепциями в рамках гендерного подхода и осознание своих установок являются необходимым условием формирования «профессиональной картины мира» психолога.

В настоящее время существует несколько научных подходов, которые по-разному трактуют феномен гендерных отношений. По моему мнению, начать можно с отслеживания того, к какой теории относятся суждения по различным вопросам: это патриархальная модель с четким разделением полоролевых моделей поведения или теория гендерных схем, предложенная Сандрой Бэм (Sandra L. Bem). Эта теория рассматривает особенности половой принадлежно-

сти индивидуумов как основу их способа организации информации об окружающем мире. Я использую в работе полоролевой опросник Сандры Бем (BSRI; Bem, 1974), составленный для диагностики психологического пола и определяющий степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности. Эту методику легко найти в сети, и это наиболее широко используемый инструмент для измерения того, как взрослый человек оценивает себя с точки зрения гендера.

Но и знание этого не является панацеей от искажений восприятия ролей в ЛГБТКИА-семьях. Стали расхожими вопросы, которые воспринимаются в сообществе как глупые и обидные, и, тем не менее, продолжают задаваться однополым партнерам. Например: «А кто у вас в семье мужчина/женщина? Кто же моет посуду/делает ремонт?»

Как-то участница семинара для психологов на тему сексуальной ориентации спросила меня: «А как же желание родить ребёнка от любимого мужчины?» И услы-

шав в ответ предложение, заменить «мужчина» на «любимый человек» надолго задумалась.

Во время конференции на одном из мастер-классов мы обсуждали тему родительства в однополой паре. Я некоторое время не могла понять логику рассуждений моей коллеги. Только после серии уточняющих вопросов мы вышли на неосознаваемую для нее самой установку, что, как ей казалось, «отношения в однополой паре проще и гармоничнее, так как людям легче соединиться в чем-то базовом». И это обнаружение расставило все по своим местам. В этот момент мне стало понятно, что мы вели диалог исходя из обоюдных заблуждений: я думала, что коллега, как и я, строит свои доводы основываясь на идее партнерских отношений и имеет опыт личного взаимодействия или консультирования ЛГБТКИА. Но это было не так — эта конференция была её первым шагом приблизиться к теме, и она строила свои предположения на приоритетности гетеросексуальных отношений и «естественности» отношений между раз-

«Слепые пятна» или вопросы, которые мы не замечаем

нополыми партнерами. Подобные заблуждения могут подстергать нас в любых темах, причудливо трансформироваться в хитросплетениях интернализованной транс/би/гомофобии.

Что я думаю о праве на брак? Что влияет на моё мнение о том, можно/нужно ли ЛГБТКИА рожать своих детей? А можно ли усыновлять? Думаю ли я, что жизнь в ЛГБТКИА-семье может негативно повлиять на ребенка? Есть ли у меня ощущение собственной «неправильности»/«ущербности»? Или я чувствую, что «я в порядке»? Вызывает ли факт того в кого я влюблена/влюблен — переживание чувства стыда? Могу ли я рассказать своему ребёнку о своей квинности? Как я отношусь к людям, являющимся одновременно трансгендерами и родителями? Что определяет степень моей открытости/закрытости в обществе?

Ответы на эти вопросы мы сможем найти только тогда, когда увидим их в себе, осознаем, начнём задумываться о них.

«А у меня пять мам!» Представления о семье, не вмещающиеся в генограмму

Ольга Марк
нарративный практик (Эстония)

Около трёх лет я консультирую ЛГБ-приемные семьи как нарративный практик и равный консультант. Не ЛГБТ- и не ЛГБТКИА- лишь потому, что трансгендеры и интерсексуалы в качестве приемных родителей в моей выборке не встречались. Надеюсь, что где-то это иначе. Этот факт очень перекликается для меня с тем, что Надя Плунгян говорила здесь о квиризации бедности и уязвимости: чем сложнее людям соотнестись с гетеронормативностью, тем больше препятствий у них возникает на пути к приемному родительству. В ЛГБ-семьях постсоветского пространства опекуном или усыновителем является один из родите-

лей, и это, как правило, вынуждает семью к закрытости.

Есть популярная активистская позиция «давайте разбираться с проблемами по очереди». В семейном контексте она часто звучит как «давайте добьемся признания однополых партнерств, состоящих из двух человек, а потом посмотрим, что можно сделать еще». Высказывание ребенка «А у меня пять мам», которое я вынесла в заголовок выступления, достаточно красноречиво говорит о том, что в ЛГБ-семьях уже есть дети, для которых большое количество родительских фигур — это не умоглядная далекая экзотика, а данная им в ощущениях реальность. Для этих детей и этих семей поддержка в их действительной семейной ситуации актуальна уже сегодня.

Собственно, от четырех родительских фигур в представлении приемных детей о семье — в моем опыте скорее статистическая норма, чем экзотика. Девочка, сказавшая «а у меня пять мам», имела в виду свою приемную семью, состоящую из при-

емной и социальной мамы; кровную маму, которая не была лишена родительских прав при передаче ребенка в семью и в течение продолжительного времени поддерживала общение с девочкой; двух приемных мам из предыдущих приемных семей, с которыми девочке пришлось расстаться в силу обстоятельств. И это совершенно не экзотическая история, потому что в похожем положении находится любой ребенок, который из кровной семьи попал в приемную, а потом его приемные родители развелись и создали новые семьи — что довольно частая ситуация при современной статистике реформирования семей.

При этом родительские фигуры, которые дети выделяют на практике, не обязательно совпадают с числом родительских фигур в теории: например, у девочки с пятью мамами был еще кровный отец, который был ей важен как символическая фигура; были отчим и предыдущий приемный отец, которых она как значимые фигуры не выделяла. Понятно, что и в кровных ЛГБТКИА-семьях в число актуальных де-

тям родительских фигур могут также входить (а могут не входить) родители в разводе; доноры, как принимающие, так и не принимающие участие в воспитании; суррогатные матери или кровные матери, передавшие ребенка на воспитание; романтические партнеры родителей, состоящих в полиаморных союзах.

Сложность картины усугубляется еще и тем, что значимые для ребенка люди не обязательно живут вместе. Для множества приемных детей то, что они не живут вместе со своими кровными родителями, но сохраняют с ними связь — повседневная реальность; это бывает актуальным и в других жизненных обстоятельствах.

Конфигурации значимых родительских фигур у детей текучи и подвержены изменениям. Для девочки с пятью мамами эта комбинация была значима на тот момент, когда в своей последней приемной семье она прожила три года. Еще через пять лет ее определение родительских фигур, возможно, будет другим даже при отсутствии внешних изменений — не все выделенные

фигуры будут ощущаться настолько важными, чтобы включать их в представление о родителях; возможно, значимость приобретут фигуры, не выделенные сейчас. Важно подчеркнуть, что в восприятии детей родителями для них являются не только те люди, которые принимают участие в жизни ребенка, но и те люди, которые важны им символически.

Однако, к сожалению, это не та реальность, которую ребенок может спокойно и безопасно предъявить в обществе. Хотя именно дети в нашем социуме сталкиваются с необходимостью предъявлять свою семью максимально часто. Я опрашивала взрослых, приходилось ли им графически представлять свою семью — и положительно откликнулись только те, кто сталкивался с этим в процессе психотерапии или психологического консультирования, психологического обучения или обследования на годность к приемному родительству. Дети детсадовского и школьного возраста сталкиваются с необходимостью сообщать и графически представлять состав семьи

регулярно: на рисовании («нарисуй свою семью», «нарисуй семейное древо»); на уроках родного и иностранного языков («изобрази свои родственные связи и подпиши по-английски»); на предметах, связанных с окружающим миром; на консультациях психолога или психиатра.

Что делает ребенок со сложной внутренней структурой семьи, изображая свою семью, например, на уроке английского языка? Я проиллюстрирую на том же примере: девочка обозначила себя и от себя, как предписано образцом и учительскими ожиданиями, провела стрелку к папе и маме. Папа — символическая фигура, о которой ребенку было известно только имя. У кровной и приемной мамы одно и то же имя, и девочка записала его рядом с папиным, соединив имена в пару. От этой пары девочка провела стрелку к паре родителей приемной мамы. Рядом с собой девочка обозначила кровную сестренку и брата из предыдущей приемной семьи, не обозначив приемных сестер и братьев из второй приемной семьи и не обозначив других приемных

родителей. Как мы видим, пяти мам и актуальных для девочки связей между значимыми ей людьми эта схема не отражает — и, изображая эту схему, девочка столкнулась с необходимостью фильтровать и ретушировать действительность, представлять ее в социально приемлемом виде.

Эта необходимость добавляет сложностей как детям на этапе адаптации в приемной семье, так и приемным родителям, которые также вынуждены представлять свои семейные связи в социально приемлемом ключе — как минимум на этапе оценивания и подготовки в школе приемных родителей, однако зачастую и на консультациях и супервизиях, связанных с адаптацией и реабилитацией ребенка. ЛГБ-семьи, оформляющие опеку или усыновление на одного из родителей, с появлением в семье ребенка не освобождаются от необходимости скрывать действительную семейную ситуацию, тем более что сопровождением приемных семей часто занимаются те же структуры, что и оценкой кандидатов в приемные родители, или же структуры, близкие к ним.

Как правило, при картировании семейной ситуации приемной семьи или приемного ребенка консультанты и терапевты используют варианты генограммы, которые разработаны, исходя из нуклеарной семьи и кровных связей: связи между кровными родственниками обозначаются в них сплошными линиями, в то время как приемное родство обозначается пунктиром; нарушенные связи с родственниками предлагается зачеркивать и т. п. У ненуклеарных семей это вызывает протест, могущий доходить до ощущения графического насилия, потому что такая символика исподволь представляет семьи, скрепленные связями некровного и ненуклеарного родства, как что-то второстепенное, не равнозначное кровному. Хотя для большинства приемных семей, с которыми мне доводилось работать, приемные связи — это, напротив, те сильные, прочные и достойные отношения, в которые они выбирают максимально вкладываться и в которых они выбирают жить. Помимо этого, ЛГБ-семьи чаще среднего сталкиваются и с семейным отвержением,

однако зачеркнутые линии, обозначающие прерванные отношения, также далеко не всегда отвечают самоощущениям людей — например, отношения могут быть прерваны только одной стороной, и второй стороне может быть важным отразить неоднозначность этого прерывания, или в чем-то еще не согласиться с той символикой, которую диктуют существующие, устоявшиеся описания семьи, не совпадающие с внутренним восприятием клиента. Это не так просто даже в дружественной, открытой консультационной обстановке для взрослых людей из принимающих семей — и это тем более сложно для переживших травму детей, сталкивающихся с такой символикой и ее интерпретациями гораздо чаще и далеко не только в безопасных и открытых к их опыту пространствах.

Что с этим делать на практике? Родителям и специалистам важно понимать, что для приемных детей, переживших разрывы привязанности со значимыми людьми, безусловно важны все те, кого они предъявляют как значимые семейные фигуры. Прин-

ципально, чтобы у детей, переживших травму, была возможность осмыслять всю эту субъективную значимость — особенно при существующей в социуме необходимости подвергать представление о семье внутренней цензуре. В работе с семьями нам приходится учитывать ограничения, с которыми семьи сталкиваются в обществе. И важно, чтобы и у семей, и у специалистов была возможность поддержать детей в удовлетворении потребности осмыслять свои отношения со значимыми людьми в безопасном пространстве.

Я хотела бы высказать несколько очень общих соображений по поводу того, как семья и специалисты могут поддержать ребенка в этом, а также услышать идеи, возникающие в этом контексте у других специалистов и особенно у самих родителей. Думаю, что к любой рекомендации можно представить контекст ограничений, в которых она не будет работать или будет работать плохо. Было бы здорово, если бы, представляя себе ограничивающий контекст, мы задавались вопросами: а что вместо это-

го? можно ли как-то модифицировать, изменить рекомендацию, чтобы она работала? что будет работать лучше нее?

Мне кажется, самое главное — проговаривать с ребенком то, что дано ему в ощущениях, не замалчивать это. Потому что слишком часто, в первую очередь, из-за социального давления, в ЛГБ-семьях включается режим «не спрашивай — не говори». Например, на раннем этапе ребенку представили второго взрослого в семье как «подругу» или «сестру» мамы — и взрослые рады, что ребенок не задает вопросов или перестает их задавать после нескольких уклончивых ответов. Этот режим снижает взрослую тревогу по поводу внешнего представления семьи, но повышает внутреннюю тревогу ребенка, который считает, что с ним не говорят о чем-то значимом, и для которого это значимое становится чем-то постыдным или неполноценным, раз о нем нельзя говорить даже между собой. Не обязательно напрямую говорить о сексуальной ориентации взрослых, можно искать компромиссные, не «лобовые» способы обозна-

чать, кто кому в семье кто: «мы друг другу самые близкие люди, мы, взрослые, всегда позаботимся о вас», «больше всего на свете я люблю вас троих, вы моя семья» — но пространство для проговаривания отношений в семье, возможность задавать вопросы и получать на них ответы очень важны ребенку, особенно пережившему травму разрыва привязанности.

Важно, чтобы у взрослых было свое собственное пространство, в котором они имели бы возможность проговаривать свои отношения и представление этих отношений социуму, особенно при наличии нескольких значимых фигур в жизни ребенка. Бывает, что какие-то вопросы отношений (скажем, какие решения в жизни ребенка может принимать не живущий с ребенком кровный родитель) не актуализируются в семье, пока их не актуализирует ребенок. Но важно, чтобы взрослые после этого находили возможность обсудить такие вопросы между собой, не выясняли свои отношения через ребенка. Это, к сожалению, часто происходит в отношениях приемных

или социальных родителей и не живущих с ребенком кровных родителей — когда они устраняются от общения друг с другом, потому что это эмоционально тяжело, а ребенок общается и с теми и с другими и невольно оказывается передаточным звеном, принимающим на себя нагрузку, с которой не справляются взрослые. Если тяжело взрослым, то очень важно помнить, что ребенку еще тяжелее. И искать поддержки у других взрослых, у дружественных специалистов, но не устраняться от этой тяжести, не оставлять ее на ребенка.

Важно признавать право ребенка на самоопределение, право на отличие от других. Состав семьи в представлении ребенка, особенно пережившего травму разрыва, свободно может не совпадать с составом семьи у принявших его взрослых на протяжении длительного времени. Для ребенка очень естественно включать в свою семью значимых для него людей — даже тех, которые в нашем представлении не заботились о нем и не заботятся сейчас; так же естественно, когда ребенок не включает в свое описание

семьи тех, кто значим нам, если не ощущает их своей семьей. Это знак здоровой и развивающейся привязанности, знак искренности и доверия взрослым, которым ребенок предъявляет свои ощущения как есть, а не как надо. И в теории многие ЛГБ-родители понимают ресурсность определения семьи в формулировке «семья — это те люди, которых человек считает своей семьей». На практике у родителей, дети которых проявляют большую самостоятельность и большие отличия от родителей в этом, часто возникает много сложных чувств, с которыми трудно справиться. Это важно признавать, и родителям в этой ситуации важна доступность внешней поддержки как для того, чтобы экологично прожить эти чувства, так и для того, чтобы научиться их экологично выражать я-языком — себе, ребенку, партнеру.

Очень большой ресурс — язык символов, метафор, семейных ритуалов. Важен поиск своей семейной символики, которая отражала бы внутреннее, важно пространство игры и свободы для этого. Нуклеарные

семейные схемы знакомы нам, они везде — а как создать пространство для отображения нашей личной семейной реальности? как дать ему какое-то почетное, ритуальное место? где оно в нашем личном семейном пространстве? Семейная скатерть, сообща разрисованная текстильными фломастерами? Какая-то малая изюминка в одежде, совместно изобретенный знак общности? Ритуал семейных объятий при встрече? Как проявить уважение к внутрисемейным различиям в семейных представлениях? Составлять лично-семейные фотоколлажи, собирать фотоальбомы, в которые включены все лично-значимые люди? Включать лично-значимых людей в общесемейные ритуалы — отмечать их дни рождения, говорить про их вклад в жизнь члена семьи, которому они дороги?

А как специалистам проявить уважение к праву клиента на самоопределение в картировании семейной ситуации? Возможно, предложить клиенту отойти от структуры генограммы к структуре ассоциативной карты, детскому солнышку: вот в центре

я, вот от меня пошли стрелочки ко всем моим, которые как-то связаны и между собой. А может быть, в центре кто-то другой или что-то другое: ситуация, вопрос, задача — и вокруг люди, которые вовлечены в ее решение?

Очень важны — и в контексте консультирования, и в контексте жизни людей в семье — насыщенные описания. Описания не через выбор терминов, а через раскрытие сути. Например, социальной маме ребенка важно быть для ребенка мамой, а ребенок ее мамой не считает. Очень важно, что для них обоих стоит за этим, что в их представлении связано с тем, чтобы быть мамой, какие действия, какое влияние этих действий на них самих, друг на друга, на окружающих. Важно деконструировать, распаковывать то, что происходит, в том числе и довольно неоднозначные вещи: например, когда кровная мама не поддерживает своего несовершеннолетнего ребенка и не заботится о нем, но ожидает поддержки и заботы от него, она, вполне вероятно, хочет хорошего (и ребенок может это понимать), но ребенок ощу-

щает это как большой груз, с которым ему не справиться (и для ребенка большое облегчение иметь возможность признать это и пожаловаться на перегруз, не обвиняя маму в желании плохого).

Что делать с тем, что в существующих социальных условиях говорить о своих семейных обстоятельствах как есть может быть небезопасным как для детей, так и для взрослых? Как поддержать семью, когда семья не может говорить правду о себе? Здесь у меня список очень маленький и здесь важно понимать специфику каждой конкретной семьи. Какие стратегии используют семьи?

Прежде всего, помогают другие номинации. Многие семьи на постсоветском пространстве называют второго или третьего взрослого, с которым постоянно живет ребенок, не родителями, а либо крестными, либо тетями и дядями — проговаривая это с ребенком, если это уже доступно пониманию ребенка, объясняя ему детским языком: «у нас внутри это устроено так, мы делимся этим с кругом людей, которым мы

доверяем, а другим мы говорим по-другому, потому что в нашей стране пока не принимают такие семьи, как наша». Если ребенок не способен понять такое объяснение в силу возраста или каких-то особенностей, то его можно опустить при существовании насыщенных описаний того, что существует в семье, при открытости пространства для обсуждения. Однако для безопасности семьи и безопасности ребенка взрослые часто выбирают предлагать ребенку представлять отношения в семье в социуме не с позиции отношений взрослых между собой, а с позиции отношений взрослых с ребенком «это моя мама, а это моя крестная»; «это мой папа, а это мой дядя».

Семье важно не быть в вакууме, важно быть частью сообщества. Детям, особенно подросткам, важно ощущать, что они такие не одни, знать детей из похожих семей, в том числе иметь возможность выражать свое отношение к однополым семьям в подростковых компаниях не (только) через собственный или родительский камин-аут, а через более безопасную и менее эмоци-

онально вовлекающую отсылку к семьям друзей или знакомых: «ну, я знаю одну финскую семью, и что? они классные, прикинь, капоэйру танцуют». Детям важно и иметь возможность обсуждать собственные стратегии жизни в обществе со сверстниками, разделяющими их опыт — потому что при всем желании мы, специалисты и родители, не можем с такой живостью представить себе реалии школьной или садовской жизни, как ее знают изнутри ровесники детей, сталкивающиеся с теми же ситуациями, разделяющие общее знание о них.

ИЗ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ:

Можно ли учить детей лгать «мы с тобой знаем, как все на самом деле, но наружу ты говори вот так»? Я думаю, что можно — так как с социальной и социально одобряемой ложью ребенок и так сталкивается повседневно. Дети знают, например, что не надо говорить другим людям, что они плохо выглядят; знают, что не всегда уместно выражать эмоции, как они есть. Если ребенок

понимает, для чего ложь и что это именно ложь как меньшее зло в несправедливой и неравной ситуации — она не травмирует. Травмирует умолчание: когда что-то происходит, но это что-то не названо; есть какой-то условный бегемот в комнате, никто о нем не говорит, непонятно где он кончается, где он начинается и где ты в него можешь въехать; понятно лишь, что с этим условным бегемотом связана большая тревога у взрослых и в бегемота хорошо бы не въезжать... Другое дело, что ребенка нельзя нагружать задачей не по возрасту, не по психофизическим особенностям, когда он просто не способен умалчивать или лгать. И другое дело, что ложь про состав семьи сама семья, как правило, не считает хорошим или нейтральным выбором, но именно меньшим злом — и это тоже можно и нужно проговаривать ребенку детским и понятным языком, делиться с ним чувствами по этому поводу, слушать и откликаться на его чувства.

Мне хотелось бы здесь привести другой и тоже яркий пример родительской стратегии оберегания ребенка с нечеткой ген-

дерной идентичностью. Ребенка четырех лет научили говорить «я так играю», если у кого-то возникали вопросы или протест против того, что девочка называет себя мужским именем, и это позволяло ребенку безопасно предъявлять примеряемую гендерную идентичность на этом жизненном этапе — наряду с родительским спокойным обсуждением вопроса плавающей идентичности с детсадовскими воспитателями и транслирования им своего спокойствия по этому поводу.

Таких индивидуальных стратегий у детей и взрослых немало, в том числе и при представлении семьи. Они достаточно индивидуальны, но если придерживаться таких ориентиров, как насыщенное описание и внутреннее право на самоопределение — их, как мне кажется, можно найти в каждом конкретном случае.

Как объяснить ребенку, почему нужно говорить вне семьи по-другому? Наверное, если вы задаетесь этим вопросом, у вас есть важные внутренние причины говорить вне семьи по-другому. Ребенку можно и нужно

объяснять эти причины детским языком на его детском уровне. Например, «потому что в одних странах это безопасно, а в других, вот в нашей, еще пока нет. Так не должно быть, но так пока есть. Поэтому мы защищаем себя и тебя, поэтому мы говорим о своей семье только тем людям, которым мы прочно доверяем». Спросите себя, каковы реальные причины, по которым вы выбираете дозировать информацию, и расскажите о них ребенку доступным языком.

Если ребенок все же проговаривается там, где это небезопасно, и возникает скандал — важно не оставлять ребенка с этим скандалом наедине в надежде, что он как-нибудь затихнет. Любую общественную ситуацию нужно брать на себя взрослому или взрослым. И им, безусловно, важно получать в этом качественную поддержку, в том числе юридическую, в том числе психологическую — важно заранее знать, по каким каналам ее можно получить, важно на всякий случай заранее просчитывать риски и свои действия для минимизации риска и при неудаче. И, конечно

же, очень важно проговаривать с ребенком то, что происходит, создавать пространство для безопасного обсуждения. Очень помогает простраивание сети поддержки — к кому семья может обратиться за помощью, кто просто будет рядом, кто поддержит, кто даст совет, если что? В нынешней социальной ситуации крайне важно укрепление связей, укрепление сообщества — то, чем мы занимаемся и здесь на конференции.

Сердечное спасибо Анне Голубевой за помощь в подготовке статьи

«Любви все
гендеры покорны»:
перформанс гендера
в близких отношениях

Люда Орел и Трикстер
нарративные практики (Москва)

На тему гендерной психологии сейчас написано уже достаточно много.

Вот уже в течение нескольких лет нам интересен особый ракурс гендерной темы — а именно, вопрос о том, как людям с нестандартной гендерной идентичностью удастся уживаться друг с другом? В этой статье мы поделимся с читателем своими наблюдениями и наработками в этой области.

1. «Традиционная гендерная идентичность» — миф или реальность?

Есть такое «широко известное в узких кругах» выражение: «сколько людей — столько и гендеров».

Мы не можем такого сказать, исходя из

гендерно-бинарной парадигмы, в которой существует только два пола: мужской и женский. Но мы можем так сказать, исходя из представлений о гендере как о перформансе, о выражении в конкретном поведении представлений человека о собственной гендерной идентичности.

Если мы рассматриваем гендер с этих позиций, то действительно, гендерный перформанс сугубо индивидуален — так же индивидуален, как человек, его осуществляющий. Конечно, можно выделить некие типы «мужского» и «женского» поведения, но на практике, если поспрашивать людей, исключений в них будет гораздо больше, чем правил.

Например, на нашем воркшопе на семейной конференции мы первым делом, еще ничего не объясняя про гендер, перформанс и т. д. задали людям вопрос об их гендерной идентичности. Ниже приведены 18 разных ответов на этот вопрос по числу присутствовавших на воркшопе людей:

- бигендер;
  - андрогин;
  - цисгендерная женщина, иногда называющая себя в мужском роде,
  - пансексуалка;
  - цисгендерный мужчина;
  - белый цисгендерный гомосексуал;
  - квир-гендер;
  - мужчина, транс;
  - просто женщина;
  - гендерно-неконформный человек;
  - (политический субъект) женщина;
  - просто девушка (изменила бы себя, если бы ей это было некомфортно);
  - комфортно в своем женском, иногда удобно называть себя в мужском;
  - цисгендерная женщина, феминистка;
  - трансгендер;
  - девушка, лесбиянка;
  - мужчина;
  - девушка, лет 10 назад было удобно называть себя в мужском роде;
  - мужчина с флуктуациями.
- Возможно, какой-нибудь гендерный ис-

следователь сказал бы, что здесь есть какая-то ошибка и что в понятие «гендера» люди включили характеристики, к гендеру никак не относящиеся, но мы как нарративные практики считаем важным документировать реальное положение дел и дальше делать какие-либо выводы уже на их основе.

Для многих людей гендер является важнейшей определяющей характеристикой, это один из первых в сложившейся культуре ответ на вопрос «кто я?». Мы думаем, что именно поэтому, давая именование своей гендерной идентичности, люди включают в него и биологические характеристики (цис — или транс-), и сексуальные предпочтения (иногда даже в достаточно «неконформном» и «нетолерантном» написании — но так человек себя чувствует и идентифицирует), и политические взгляды («феминистка»), и даже факты биографии. А еще есть гендер «женщина», а есть гендер «девушка», и вот что хотите с этим, то и делайте.

Таким образом, небольшое гендерное исследование, проведенное нами в рамках воркшопа на конференции, заставило нас

задуматься вот над каким вопросом: «Ну, хорошо, в ЛГБТКИА-сообществе часто говорят о «людях с нетрадиционной гендерной идентичностью». А «традиционная гендерная идентичность» вообще бывает?»

И мы оставляем этот вопрос открытым.

2. Гендерная идентичность партнера по отношениям.

Это еще один важный вопрос. Причем, под отношениями, и даже под близкими отношениями, здесь можно понимать самые разные вещи. Это может быть брачный партнер в семье диадного типа. Это может быть один из партнеров в полиаморном союзе. Это даже может быть партнер по отношениям вне сексуального контекста: друг, коллега, родитель, ребенок и т. д. Все равно гендерная идентичность этого другого будет иметь большое значение и для него самого, и для его партнера, и для отношений в целом, их рисунка и содержаний.

Мы здесь представили вопросы, с которыми сталкиваются люди, встречаясь с идентичностью другого в отношениях:

— «могу ли я быть полностью принят в отношениях, где не признается или не принимается моя гендерная идентичность, и если нет, то куда деваться мне остальному?»;

— «может ли феминистка быть замужем за нефеминистом?»

— «я лесбиянка, а у моей партнерши происходит миграция гендерной идентичности, и я не знаю, чем это закончится — вдруг она перестанет соответствовать моим предпочтениям?»

— «обязательно ли, чтобы моя идентичность была полностью принята, чтобы отношения сохранились?»

— «если я такое гендерно-небинарное существо, то как мне найти партнера своего биологического вида, и есть ли вообще такие?»

— и многие другие.

Иногда гендерная идентичность вступает в конфликт со сложившимися отношениями, как это часто бывает у трансгендерных людей с семьями и другими сообществами, где они выросли. Мы знаем много историй

о том, как в конфликте «гендерная идентичность или детско-родительские отношения» в приоритете оказывается все-таки гендерная идентичность, но как быть с конфликтами типа «гендерная идентичность или любимая работа» или «гендерная идентичность или любимый партнер»? Готовых ответов тут нет, и каждому приходится искать свои решения.

3. «Любви все гендеры покорны».

А как же все-таки обстоят дела в семьях и парах, где люди любят друг друга и счастливы вместе?

Нам в этой области мало что известно, но кое-какие хорошие примеры есть.

— Иногда идентичность одного партнера мигрирует вслед за идентичностью другого. Например, был человек цисгендерной женщиной, полюбил андрогина, и стало ему тесно в прежних рамках. Он пересмотрел свою гендерную идентичность и теперь считает себя бигендером.

— Иногда люди отыгрывают в отношениях разные гендерные идентично-

сти. Как сказала одна наша знакомая, «заниматься любовью с разными персонажами — это мы всегда "за"». По нашим наблюдениям, такой способ решения «гендерного вопроса» — не такая уж и редкость как в ЛГБТКИА-сообществе, так и в сообществе «анимэшников», и вероятно, во многих других.

— Иногда в гендерном вопросе люди соблюдают некий паритет: «я не лезу в твои гендерные «замуты», ты не лезешь в мои, нам хорошо вместе — и это главное».

Мы будем рады, если читатели этой статьи поделятся с нами и другими вариантами долгой и счастливой жизни при гендерном разнообразии, свойственном современному обществу.

4. Перформанс гендера.

Если исходить из парадигмы, что гендер перформансивен, то это открывает нам большие возможности для понимания гендерного разнообразия, творчества, самовыражения, встраивания в это разнообразие и построения отношений, в которых наша

предпочитаемая идентичность могла бы находить наиболее полный отклик, реализовываться и развиваться.

Если обратиться к живой природе, то человек не первое живое существо на Земле, использующее для выражения своей «гендерной идентичности» различные элементы окружающей среды, и если у птичек и зверушек это будут палочки, камешки и веточки, то человек в своем перформансе использует элементы культурной среды: и самоименования, и определенную одежду, и другие социальные маркеры. Можно предположить, что служит это все той же простой и незамысловатой функции — найти себе подходящего партнера, «существо своего биологического вида». Да и вообще по жизни объединяться с людьми, близкими по духу.

Многих гендерно-неконформных людей с детства пугают: «Будешь неправильным мальчиком/неправильной девочкой — тебя никто не будет любить!». Эти дорефлексивные убеждения часто сохраняются у людей и в более старшем возрасте, и часто

Перформанс гендера в близких отношениях

довольно сильно портят людям жизнь. Но если исследовать этот вопрос на практике, все оказывается далеко не так однозначно, и уж точно вовсе не так печально, как могли представлять нам люди, пытавшиеся нас запугать и втиснуть в морально устаревшие гендерные рамки.

Мир всем!

Влияние на людей
и семьи «того, чего
не может быть»:
беременности,
выкидыши
и вынужденный
отказ иметь
собственнорожденных
детей у транс-людей

Люда Орел и Трикстер
нарративные практики (Москва)

*Доклад-молния
Люды Орел и Трикстера
на Второй Семейной
ЛГБТКИА-конференции*

Мы принесли на конференцию коллективный нарративный документ, то есть немного слов от представителей трех сообществ:

- людей с миграцией гендерной идентичности, имеющих биологически женский пол и не имеющих намерения его корректировать;
- транссексуальных людей МтФ;
- транссексуальных людей ФтМ.

С некоторыми из них мы работаем как с клиентами, с некоторыми дружим. К первой группе относимся и мы сами.

Эта тема, напечатанная в программе конференции, рефреном звучит в нашем

общении уже какое-то время, и мы решили обозначить ее и сообщить о ее значительном влиянии на нашу жизнь.

Начнем с первой категории. Квир-люди, которые имеют биологическую возможность рожать.

Мы сегодня специально пришли в юбках. И с анекдотом: «Почему вы носите женскую одежду? — Что значит «женскую»?! Это моя одежда. Я ее купил, я ее и ношу».

Обычно мы юбки не носим, потому что все — даже те, с кем сто раз договаривались об обратном, — сразу переходят на женский род обращения.

С юбкой ладно. В нарративной библиотеке лежит текст Трикстера на эту тему¹. А вот с беременностью или с потребностью поговорить о выкидыше, если не дай Бог, все гораздо заковыристее. Сразу начинаются давление, нормирование и требования соответствовать чьим-то представлениям о возможном и правильном.

И вот человек уже идет на терапию и платит немалые деньги за то, чтобы просто поговорить об этом. Или носит беремен-

ность с дополнительным стрессом и торгом вокруг собственной идентичности.

Вторая категория. МтФ. Женщины, которые точно не смогут сами родить. Это часто переживается как глубокое горе — в чем бы ни была причина. Но в данном контексте об этой беде даже говорить не принято и чревато неприятными последствиями. Ну, опять же, в терапии или глубоко на кухне работаем мы с этим горем. Мой знакомый говорит: «Это оскорбительно и очень больно, когда зачать (как мужчина) не хочешь, а выносить (как женщина) не можешь».

И третья категория. ФтМ. Даже если не брать тему беременностей (и иногда — абортов) и выкидышей после заказных и прочих изнасилований, сам по себе переход ставит человека перед выбором: идентичность или способность рожать. Ниже приведено короткое послание к конференции от нашего друга, довольно известного активиста, имеющего опыт выкидыша после изнасилования и горюющего по этому поводу.

Письмо к конференции:

«Очень бесит, что в среде трансов замалчивается тема беременности/выкидышей у ФТМ и других трансмаскулиных людей. С этой темой настолько жопа, что я про нее даже на закрытой группе поддержки побоялся заикнуться, ожидая камней и воплей «дакакойтымужик».

Вопрос даже не в том, что ФТМ'ов насилюют и они беременеют в результате этого. Вопрос в том, что замалчивается или табуируется вариант, когда трансмаскулиный человек:

1) сам хочет выносить и родить;

2) испытывает негативные чувства к партнеру (насилнику), но не к самому факту беременности. Когда жалко было делать аборт, а деваться некуда и т. д.

И когда ни на один форум поплакаться не пойдешь. Потому что будет «или трусы надень, или крестик сними».

Могу только добавить, что для того, чтобы не говорить, почему долго не делал переход, я выдумал целое самоубийство друга и пару раз даже где-то об этом с полной уверенностью заявил (потому что уже

сделал себе пласт ложной памяти), только чтобы не говорить, что болело на самом деле. И не помнить.»

Вот с этим другом мы и решили, что эта тема должна на конференции прозвучать. Чтобы было не только одно (на самом деле — несколько) видео о беременном мужчине, которым можно утешаться (вдруг тоже получится?), но и нечто большее. Поддержка таких идей в сообществе, например.

Еще здесь хочется добавить, что тема неродившихся детей или детей, которые рано умерли, является табуированной в обществе. Даже цисгетероженщине очень трудно найти адекватную поддержку, если у нее случилось нечто подобное. Например, мне (Люде) приходится говорить о себе как о матери двоих детей, хотя на самом деле, конечно, троих. И я это не к тому, что «так везде, и так нормально». Нет, это не нормально, и мне бы очень хотелось, чтобы в этом плане что-то стало меняться. Я считаю квир-и транс-сообщество очень прогрессивным, восприимчивым к новым идеям, и я призы-

Влияние на людей и семьи «того, чего не может быть»

ваю к тому, чтобы оно стало прогрессивным также и в этом плане.

Дополнение от Ольги Марк:

Тема детей неродившихся или рано умерших — это очень важная тема, и хорошо, что вы ее подняли. Мне бы хотелось еще сказать здесь о родителях, оторванных от своих детей, и о детях, оторванных от родителей, потому что к сожалению, ЛГБТКИА-родители и дети из «радужных» семей часто сталкиваются с такими ситуациями.

Дополнение от Трикстера:

Мы ждем ваших откликов на этот документ, чтобы он ширился и развивался!

Список литературы:

1. <https://narribrus.wordpress.com/2010/10/09/trx/>

Домашнее насилие в ЛГБТКИА- партнерствах

Екатерина Петрова
психолог (Санкт-Петербург)

Домашнее насилие, также семейное или бытовое насилие — это повторяющееся насилие одного партнера или родственника по отношению к другому, в первую очередь внутри семьи.

Существует множество мифов как о домашнем насилии вообще, так и о его проявлениях в ЛГБТКИА-партнерствах в частности. Не останавливаясь здесь подробно на развенчании этих мифов, отметим, что и в семьях людей, «нетипичных» в своей сексуальной и гендерной идентичности, может проявляться неравенство и силовое воздействие не реже, чем в гетеросексуальных отношениях. Люди, применяющие домашнее насилие, в большинстве случаев могут

контролировать свое поведение в отношениях с «внешним» миром — они не лезут в драку с раздражающим начальником или с теми, кто заведомо сильнее и может ответить. Также насилие не связано напрямую с употреблением психоактивных веществ — в измененном состоянии сознания могут лишь легче проявляться те формы поведения, на которые уже есть внутреннее разрешение. Нахождение в ситуации домашнего насилия очень изматывает и лишает многих ресурсов, поэтому неверно было бы говорить о какой-то «выгоде» или провокациях со стороны пострадавших. Напротив, люди, столкнувшиеся с такой проблемой, прикладывают максимум усилий к тому, чтобы «вести себя правильно». Проблема в том, что это не помогает, поскольку цель домашнего насилия — установление полного контроля над партнером, а не только «исправление» определенных привычек или поведения.

Многим известно, что существует несколько видов насилия — не только физическое, о котором говорят в первую очередь, но также эмоциональное, экономическое,

сексуальное (которое иногда включают в физическое), а также социальная изоляция. Конкретные формы проявления насилия очень разнообразны — к примеру, в физическое насилие, помимо очевидных побоев и разнообразных вариантов нанесения телесных повреждений, относятся также действия, создающие ощущение угрозы физической безопасности — бросание вещей, угрозы нанесения физических повреждений, угрозы убийством, ограничение свободы передвижения, ограничение доступа к медикаментам, лишение сна, еды, а также более «легкие» проявления — толчки, щипания, укусы, неприятные прикосновения. Что касается эмоционального, или психологического, насилия, то здесь тоже разнообразие проявлений очень велико. От очевидных криков, оскорблений и угроз (угрозы могут одновременно являться проявлением и физического, и эмоционального насилия) до многочисленных «мелких» вариантов поведения, обесценивающих партнера, вызывающих ощущение собственной неполноценности, неуверенности в адекват-

ности восприятия. К примеру, постоянная критика, сарказм, высмеивание партнера. Сюда же относится «газлайтинг» — намеренное искажение фактов, имеющее целью убедить партнера в том, что те проблемы, которые он/а видит в отношениях — следствие его/ее восприятия и не имеют связи с реальной действительностью. Далее, экономическое, или финансовое, насилие имеет ряд проявлений, направленных на уменьшение экономического потенциала партнера: запрет партнеру работать или препятствия в трудоустройстве, требование полного содержания со стороны партнера, уничтожение или кража собственности партнера, манипуляции с документами партнера с целью получить выгоду за его/ее счет или нанести вред. Наконец, сексуальное насилие, которое многими не принимается в расчет, если речь идет об отношениях в паре, также может выражаться по-разному. Начиная от прямых насильственных действий — изнасилования, грубого обращения во время секса и других несогласованных силовых воздействий, до унижительных замечаний

в адрес привлекательности партнера, его/ее сексуального опыта, прошлого, критики сексуальных техник и желанности партнера, отказа от использования презерватива и средств контрацепции.

Что касается социального изолирования, то эта часть домашнего насилия, как правило, осознается очень мало. Поскольку основной движущей силой проявления насилия является власть и контроль над другим человеком, то важно, чтобы в окружении не было людей, мешающих этот контроль осуществлять. В таком случае могут появиться обвинения друзей или родственников партнера в том, что они приносят проблемы отношениям, следовательно, должны быть устранены из круга общения. Постепенно все больше людей входит в категорию «запрещенных». Отслеживание телефонных звонков, почты, визитов партнера, подробный отчет о всех взаимодействиях с другими людьми, принуждение к выбору между собой и другими, слежка за партнером — все это варианты поведения, направленные на социальную изоляцию.

Возвращаясь к теме специфики домашнего насилия в ЛГБТКИА-партнерствах, можно будет отметить также, помимо вышеперечисленного, насилие на основе гендерной/сексуальной идентичности, которое может проявляться, к примеру, в угрозе раскрыть идентичность партнера там, где он/а не планирует открываться, в критике внешности и поведения партнера: «манерный», «мужеподобная» и т.п.; в выражении сомнений в идентичности и в чувствах партнера, что особенно часто применяется в отношении бисексуалов; обесценивание отношений на основании того, что они «неправильные», следовательно, не имеют будущего. Кроме того, в случае разных позиций партнеров по отношению к ЛГБТКИА-активизму, может проявляться давление, упреки, обесценивание партнера в связи с участием/неучастием в существующих инициативах. Также может проявляться насилие в случае разных позиций по отношению к открытости своей и партнера гендерной/сексуальной идентичностей: если один человек очень закрыт и не хочет быть

«подозреваемым» в какой-то нетипичности, может оказываться давление на партнера с целью сделать более закрытым/ой и его/ее. Поддержка одним из партнеров гомо-, би-, транс-, квирфобной риторики также является поддержкой насильственной позиции общества и государства по отношению к ЛГБТКИА.

Последствиями длительного нахождения в ситуации домашнего насилия могут являться развитие посттравматического стрессового расстройства, а также некоторые дополнительные проявления: вера во всемогущество и вездесущность партнера, применяющего насилие (например, что его/ее связи настолько значительные, что любые попытки добиться справедливости заранее обречены на провал); постоянный страх за себя и детей; снижение самооценки, самоуважения, потеря веры в себя.

Человеку, попавшему в ситуацию домашнего насилия, вполне вероятно может потребоваться помощь, чтобы с этим справиться. Поскольку ситуация насилия имеет разнообразные последствия — не только для

психологического состояния пострадавших, но и для физического, для материального, а в некоторых случаях сохраняется угроза со стороны партнера, и эта угроза усиливается в момент принятия пострадавшим/ей решения о разрыве, то часто требуется именно комплексная помощь. К сожалению, существующие организации, оказывающие помощь пострадавшим от домашнего насилия, имеют крайне ограниченные возможности, и комплексная помощь может быть оказана далеко не всегда. Часто пострадавшим приходится самостоятельно заботиться о том, чтобы организовать дальнейший процесс, что весьма непросто из-за тяжелого эмоционального состояния. Очень важно, если рядом есть друг/подруга или другой человек, кто может взять на себя функцию сопровождающего в процессе «ходьбы по инстанциям» или в процессе восстановления ресурсов. Нередко можно встретить ситуацию, когда пострадавший/ая не хочет обращаться в полицию, даже в случае тяжелых телесных повреждений, но через некоторое время — через 2-3 месяца, понимает, что это

решение было неверным и было продиктовано страхом и отсутствием сил. Поэтому, если имеют место физические повреждения, лучше немедленно их зафиксировать таким образом, чтобы это имело юридический смысл (как именно — можно узнать у юристов или в интернете, сами врачи часто не очень компетентны в данном вопросе).

Первое, о чем стоит позаботиться при оказании помощи человеку в ситуации домашнего насилия — это безопасное место, где можно находиться хотя бы какое-то время, решая срочные вопросы. Если нужна медицинская помощь, то эту потребность также стоит поставить в приоритет. В дальнейшем важна регулярная психологическая и юридическая поддержка до момента восстановления ресурсов.

В случае, если присутствует желание сохранить отношения с партнером, наиболее важно следующее условие: партнер, применяющий насилие, осознает деструктивность своего поведения, принимает на себя полную ответственность за него и готов/а работать над собой. Если данное условие полно-

стью не выполняется, нельзя говорить о том, что эти отношения могут стать безопасными. Справиться с проблемой домашнего насилия непросто: потребуется помощь специалиста (психолога), имеющего опыт работы с людьми, применяющими насилие. После определенного количества встреч (определяемого индивидуально) возможна работа с парой. Следует отметить, что работа с парой до индивидуальной проработки с каждым из партнеров может нанести вред, когда речь идет о домашнем насилии. Чаще всего корни насилия лежат в том, что у одного из партнеров имеется больше власти в отношениях. Таким образом, он/а может интерпретировать работу пары с психологом в своих интересах.

При оказании помощи человеку в ситуации домашнего насилия важна регулярная поддержка, информирование об опасности нахождения в этой ситуации, мотивация на изменения и предоставление соответствующих ресурсов. Помешать реабилитации могут излишнее давление с целью ускорить процесс и возлагание всей ответственности

за дальнейшие действия на пострадавшего/ую, пока он/а находится в состоянии эмоционального истощения.

Для адекватной организации помощи пострадавшим от домашнего насилия в ЛГБТКИА-партнерствах важно находить специалистов (юристов, психологов), умеющих работать не только с проблемой насилия, но и адекватно относящихся к людям независимо от сексуальной и гендерной идентичности. Это не всегда простая задача, поэтому важно уточнять заранее у специалистов и помогающих организаций, соответствуют ли они данным условиям.

Список литературы:

1. www.crisiscenter.ru
2. <http://men21.ru/>
3. http://rohrbaughassociates.net/pdfs/same_sex.pdf
4. <http://www.vetkaivi.ru/main/family>

Встреча
Радужных семей.
Коллективный
документ

Записали и оформили модераторы встречи:

*Юлия Мальвина,
Анна Толубева*

На встрече Радужных семей мы совместно обсудили и записали ответы на три важных вопроса, напрямую связанных с идентичностью нас, как Радужных семей. Эти ответы мы оформили и представляем вашему вниманию.

1. Чем мы отличаемся, в чем наша специфика, наши особенности, что нового мы можем привнести в понимание института семьи в современном обществе?

Мы считаем, что в ЛГБТКИА-союзах больше осознанности, нет закрепощающего единообразия в составе семей, нет жесткого закрепления гендерных ролей — это «союз двух душ, а не двух ролей», есть понимание сконструированности и относительности

гендерных и социальных ролей, поэтому наши семьи свободнее от стереотипов.

В Радужных семьях есть глубокое и близкое взаимопонимание и поддержка внутри семьи вследствие конфронтации с обществом. Наше непростое существование в обществе развивает ресурсы противостояния — высокую выживаемость и быструю адаптацию. У нас есть необходимость искать и создавать свое сообщество.

У ЛГБТКИА-семей и пар больше осознанности и ответственности в планировании и воспитании детей. Дети в Радужных семьях более толерантны и восприимчивы к разнообразию и изменениям.

Мы находимся вне традиции, отсюда гибкость, творчество и свобода в отношениях и большее количество допустимых семейных сценариев. Мы допускаем возможность других близких связей, не только кровных.

При этом у нас есть большая социальная незащищенность и изолированность, часто нет поддержки близких и родительских семей. Вследствие этого наши союзы менее долговечны, и больше процент расставаний.

2. В чем нуждаются ЛГБТКИА-семьи, чего бы нам хотелось от социума, чего нам не хватает для благополучного существования в обществе и чего бы мы хотели от самих себя?

Мы нуждаемся в легализации различных видов семей и партнерских отношений, признании наших союзов на государственном уровне, распространении семейного права на ЛГБТКИА-союзы.

Нам нужны поправки, касающиеся ЛГБТ, к закону о преступлениях на почве ненависти и признание ЛГБТ социальной группой. Мы бы хотели введения административных наказаний за дискриминацию. Мы нуждаемся в представителях во власти от ЛГБТКИА-сообщества.

Мы нуждаемся в профилактике нетерпимости в обществе, в развитии толерантности и сексуальном просвещении в школах и других образовательных институтах, издании специальной просветительской литературы для детей и взрослых.

Мы нуждаемся в повышении восприимчивости общественного мнения к разноо-

бразию, обучение общества недискриминационному языку.

Нам нужно правдивое освещение наших проблем в СМИ и показ ими положительных примеров ЛГБТКИА-партнерств и союзов.

Нам бы хотелось увидеть толерантность религиозных институтов и возможность церковного брака.

Нам нужны помогающие специалисты из разных социальных сфер, компетентные в ЛГБТКИА-проблематике: врачи, юристы, психологи, педагоги.

Нам нужны честные научные исследования в области ЛГБТКИА-семей и партнерств и разработка стратегии развития семьи в ЛГБТКИА-сообществе в России.

Мы бы хотели иметь возможность открыто проявлять свои отношения в обществе и представлять своего партнера, принимать участие в гей-парадах, быть собой, жить своей собственной жизнью, не скрываясь и не боясь этого, и чувствовать себя в безопасности.

От самих себя, от сообщества, мы бы хотели большей сплоченности, активности

и смелости говорить о себе открыто, в том числе о своих страхах и проблемах.

Нам бы хотелось большей толерантности к разнообразию в самом сообществе, больше уважения друг к другу, а также открытости нашего сообщества для новых членов и всех людей.

Нам бы хотелось большей ответственности от самих себя в отношениях.

Мы бы хотели расширять связи в сообществе с другими регионами, обмениваться опытом и лучшими практиками.

3. Как мы можем изменить существующую ситуацию? Что мы можем сделать для самих себя, и что мы уже делаем?

Мы бы хотели изменить парадигму общения с властью на позицию равного компетентного взрослого (партнера). Нам важно помнить, что мы такие, какие мы есть. Признание и принятие себя — это шаг навстречу обществу и изменению ситуации.

Мы готовы к преобразованию института семьи через поиск объединяющего сообщества видения близких отношений. Мы можем мягко и гибко декларировать рав-

ноправие повсюду, говорить о себе и своих отношениях с теми людьми, с которыми мы общаемся. В наших семьях мы бы хотели растить в любви и принятии своих детей, воспитывая в них чувство толерантности.

Мы создаем организации, объединяемся в сообщества, рассказываем о себе и привлекаем сторонников, образуем связи с другими сообществами. Мы участвуем в адвокации по защите своих прав, пишем письма в правительство с требованиями, работаем как волонтеры в ЛГБТ-правозащитных организациях, издаем сборники наших личных историй. Мы боремся, организуя гей-парады, пикеты и митинги, работаем со СМИ.

Мы рассказываем о себе средствами искусства, с помощью литературы, кино, фотографии.

Мы устраиваем разнообразные мероприятия для ЛГБТКИА-сообщества, спортивные, культурные, психологические.

Мы обмениваемся опытом с иностранными ЛГБТ-организациями и с сообществами в регионах по всей России.

У нас есть телефоны доверия и психоло-

гической поддержки, есть группы поддержки и взаимопомощи, пока только в крупных городах. Нам бы хотелось, чтобы ЛГБТКИА-сообщество и ЛГБТКИА-семьи в отдаленных районах России тоже могли бы воспользоваться такой поддержкой. Пока это возможно только в онлайн вариантах.

Мы работаем и хотим продолжать работать с родителями и близкими ЛГБТКИА, помогая им принимать своих детей и родственников, оказывая им поддержку в атмосфере недружественной государственной политики.

Мы работаем и хотим продолжать работать над просвещением профессионального сообщества — психологов, юристов, врачей, социальных работников как наших союзников в развитии равноправия и толерантности и привлекать их к работе в наших организациях.

Нам очень помогут (сейчас пока единичные) публичные камин-ауты известных людей и медийных персон, а также публичные выступления в защиту ЛГБТКИА и ЛГБТКИА-браков и партнерств.

Встреча Радужных семей. Коллективный документ

Было бы очень полезно для нас развивать свои собственные СМИ, где была бы правдивая и открытая информация о нас.

Мы можем вкладываться в собственную терапию и образование, чтобы иметь больше возможностей влиять на ситуацию и менять ее.

Мы можем уже сейчас развивать связи и практики терпимости внутри сообщества.

Мы можем преодолевать свои страхи и изоляцию, общаться с другими семьями, ЛГБТКИА и гетеросексуальными, формально и неформально, создавать общие проекты.

Рекомендации по недискримина- ционному общению для участников конференции

Рэйга Линн и Саша Крик

квир-активисты,

проект «Свободная психология»

Помните о том, что внешность человека, особенно трансгендерного — не всегда надежный показатель того, в каком роде к нему следует обращаться. Избегайте обращений «по умолчанию». Не говорите незнакомому участнику «девушка...» или «молодой человек...», так как для трансгендерного человека ошибочные обращения со стороны окружающих воспринимаются как проявление бестактности и, как минимум, вызывают дискомфорт. Безопаснее всего обращаться к незнакомым людям в гендерно-нейтральной форме и на «вы». Сравните: «простите, не могли бы Вы меня пропустить?» и «девушка, позвольте пройти». В первом случае вы не рискуете

сделать ошибку и задеть вашего собеседника.

Даже если вам кажется, что внешность кого-либо из участников конференции безошибочно указывает на то, что это — женщина (или мужчина), выбирайте гендерно-нейтральную форму обращения. Помните, что далеко не все трансгендерные люди изменяют свою внешность с помощью гормональной терапии или хирургических вмешательств. Принимать или не принимать гормоны, делать или не делать операции — личный выбор каждого. Помните, что такие действия могут серьезно сказаться на здоровье человека. Не следует думать, что кто бы то ни было обязан выполнять все эти сложные, болезненные и рискованные процедуры только для того, чтобы заслужить право на обращение в желаемом роде. Такое обращение — не одолжение со стороны собеседника, а проявление элементарного уважения к трансгендерному человеку.

Если речь идет о человеке, у которого в паспорте указан мужской пол и мужское имя, но который просит обращаться к нему

в женском роде, не следует говорить «мужчина, считающий себя женщиной» — это некорректно. Правильнее в таком случае сказать «трансгендерная женщина».

Если вы сомневаетесь, как нужно обращаться к человеку, не следует спрашивать его «женщина вы или мужчина» (тем более — «девочка или мальчик»). Правильнее будет спросить: «Скажите, пожалуйста, как, в каком роде к Вам следует обращаться?». В большинстве случаев вы не допустите ошибки, если будете обращаться к человеку в том же самом роде, в котором он или она говорят о себе. Это значит, что, если вы видите человека, который, с вашей точки зрения, выглядит очень феминно, но который при этом говорит о себе «я пошел...», то правильнее будет говорить об этом человеке «он пошел», а не «она пошла». В случае затруднения задайте уточняющий вопрос в той форме, которую мы предлагаем выше. Заданный вежливым тоном, такой вопрос практически никогда не вызывает никаких осложнений в беседе, а, наоборот, воспринимается как проявление уважения к собеседнику.

Старайтесь учитывать свои привилегии. Такие особенности, как пол, сексуальная ориентация, материальное благополучие, высшее образование, московская прописка и т. п. не имеют особенного значения, пока в общении участвуют люди одного и того же круга. Но когда человек из одной социальной группы встречается с представителями других групп, всегда можно, не желая того, сказать нечто, что будет воспринято собеседником болезненно. Это не всегда может быть связано с такими очевидными проблемами, как гомофобия или трансфобия. Очень часто люди измеряют ценность денег, исходя из собственного материального благополучия, что приводит к неловким ситуациям. Кто-нибудь походя упоминает о «незначительных расходах в 2000 рублей», не желая, конечно же, никого обидеть, но это высказывание болезненно воспринимается тем слушателем, для которого даже сумма в 200 рублей является очень значительной.

Если ваш собеседник поправляет вас и говорит, что то или иное ваше высказывание звучит как проявление классицизма, гомо-

фобии, сексизма и т. д., не воспринимайте это высказывание как личный выпад против вас. Точно так же не пытайтесь самостоятельно оценить дискриминационность своих высказываний в отношении той или иной социальной группы — лучше исходите из того, что кажется дискриминационным вашему собеседнику, который к этой группе принадлежит, и постарайтесь сделать так, чтобы он чувствовал себя комфортно. Соблюдение этих правил гораздо проще, чем кажется на первый взгляд, и обеспечивает доверительное и безопасное пространство для людей из самых разных социальных слоев и групп.

Отклики
от участников
о конференции

Мария Беликова

психолог

Впечатления о конференции

Очень много переживаний, ощущений, впечатлений разных – трогательных, глубоких, удивительных, наводящих на размышления... Они еще бурлят внутри, переливаясь разными оттенками, напоминая картинки в калейдоскопе. Но хочется поделиться. Попробую найти слова...

После пленарного заседания со множеством интереснейших профессиональных докладов, касающихся разнообразия семей в современном обществе, причин их формирования, особенностей и проблем, я окончательно и бесповоротно ут-

вердилась в следующих размышлениях. Нравится нам это или нет, жизнь неизбежно меняется, эволюционирует. Мир неузнаваемо преобразуется буквально за несколько десятков лет под влиянием научно-технического прогресса, новейших информационных технологий, социальных и политических процессов. Мы с легкостью перемещаемся по всему миру, встречая множество иных реальностей и укладов. Сегодня мы живем в эпоху постмодерна, которая характеризуется следующими особенностями:

- нигилизм (отрицание прежних ценностей и стабильного уклада),
- плюрализм (существование одновременно многих реальностей и многих правд),
- контекстуальность (мир быстро меняется, все течет, ситуация зависит от контекста),
- фрагментарность.

В этой ситуации неизбежно появление множества новых форм. Мы можем по-разному к этому относиться: считать это хо-

рошим или не очень, правильным или нет, нормой или патологией — оценка здесь не имеет значения, ничего не меняет и особо ни на что не влияет. Это просто реальность. Появляются (или становятся видимыми) новые разновидности идентичностей, ориентаций, семейных устройств. Людям, обществу, психологам придется иметь с этим дело. Как говаривал Иван Петрович Павлов: «Перед вами господин Факт. Извольте снять шляпу!».

Совершенно замечательно отметила на одном из докладов Анна Варга: «Самое главное — помнить, что все мы произошли от обезьян (люди самой природой созданы обреченными на кучкование, жизнь в социальной группе вроде семьи) и не иметь предрассудков».

Это действительно вызов — замечать вокруг себя большое количество очень разных способов жить, относиться к себе и к миру, устраивать семью и т.д., выдерживать эту разность, достойно и по-человечески обходиться с этими различиями. Многие животные калечат и

изгоняют альбиносов из стаи, такая степень инаковости для них непереносима. Мы учимся сейчас иначе относиться к тем, кто отличается от нас.

На конференции были очень разные люди, и здорово встречаться с ними через свой интерес: чем они живут, как устроена их жизнь, с какими встречаются возможностями и проблемами. И при этом ловила себя на том, что общаясь с кем-то или слушая выступления, появляется ощущение, что этот человек — личность — цельная, интереснейшая, сильная и достойная. И как-то отходят на задний план в этот момент гендерная идентичность или сексуальная ориентация. Просто встречаешься с человеком. Так, например, я осталась в восхищении и уважении к транс-активистам Антону Макинтошу и Трикстеру, к их позиции, словам и реальным делам, стилю, человеческой тонкости, смелости и достоинству.

Вообще, перед конференцией были опасения, как же мы уживемся там два дня все вместе такие разные — обязательно же кто-то кого-то дискриминирует или заденет. Од-

нако, ожидания мои не оправдались, люди вокруг относились друг к другу внимательно и уважительно, как мне показалось. Думаю, в этом есть большая заслуга организаторов, волонтеров и активистов, которые провели большую работу (предварительные встречи, раздаточные материалы) по организации недискриминационного общения. И на мой взгляд, основной проблемой на конференции была нехватка времени для дискуссий, обсуждений, ответов на вопросы. Видимо, существует большой дефицит в специфической информации, обмене опытом, поддержке, совместных обсуждениях общих проблем и путей дальнейшего движения. Так многое хотелось еще обсудить, узнать, поделиться, спросить — а время уже заканчивалось. Похоже, в будущем придется расширять и углублять пространство заседаний, круглых столов и мастерских.

Подобная конференция — отличная альтернатива баррикад и борьбы с системой, которая лишь поддерживает ее, и цивилизованная возможность защищать свои права, утверждать свои ценности, изменять мир

вокруг себя. Вызывают огромное уважение пути достижения этих целей: создание дискуссионных пространств, где есть место для любых людей и взглядов, просвещение, информирование, обмен опытом, взаимная поддержка, уважительное и внимательное отношение друг к другу. Может, когда-нибудь таким станет и весь мир?

После конференции осталось ощущение, что есть надежда, и душа поет...

Вот вспомнилась, кстати, песня Ирины Богушевской «Колоски» :

*Далеко, выше звезд, средь вселенской тишины
Наши все голоса одинаково слышны.
Просто каждый голосок – это божий колосок.
Тот кто сложен, тот кто прост –
Все дотянемся до звезд...*

Благодарность огромная человеческая организаторам и всем участникам этого пространства, дарящего надежды, возможности и поддержку.

Екатерина Хлопцева

психолог

Что это было для меня? Наверное, прежде всего люди. Люди, разбуженные для жизни, принятия, отличий и разногласий, готовые к обсуждению и – совершенно разные. Меня глубоко затронули доклады первого дня конференции: где-то был просто эмоциональный отклик, порождающий воодушевление. Где-то щемило сердце от реалий жизни ЛГБТКИА людей в нашей стране. Но все же, основным лейтмотивом было ощущение укрепления в своем праве жить изнутри себя, идти своим путем. Хотя порой так хочется положиться на какие-то проторенные пути-дороги и в семейной, и в профессиональной линии, но четкое осознание того, что этого уже быть не может, очень поддерживает. Потому как их попросту нет – да я и не раз пробовала встать на этот путь!

Очень благостно легли на душу градации многообразия семей. Что семьей может быть разная форма человеческих отношений, но в которой имеют место несколько важных составляющих – забота, поддержка, бли-

зость, общее пространство. Семья — это объединение двух или нескольких людей, которые и приспосабливаются, и выстраивают, и творчески планируют свою жизнь.

Вот это планирование и высокая степень осознанности показали мне важной составляющей ЛГБТКИА семей. Прислушивание к себе, прорисовка образа семьи, объяснение доступным языком ребенку домашних особенностей — были важной линией в эти два дня.

Постмодерн как построение будущего семьи. Видоизменение ролей в их функциональном и традиционном понимании — тоже необходимая мера в современном обществе. Классическое видение семейной системы в психотерапии уже тоже не работает, скорее мешает ее росту и развитию.

Эти два дня были целой маленькой жизнью, каким-то удивительно устроенным миром, созданным всеми присутствующими — организаторами, ведущими, волонтерами, участниками... тепло, очень уютно, дружелюбно. Ощущение командности, пульсации жизни — четкая позитивная установка

на право быть таким, каким есть каждый присутствующий там. Надежда на будущее в его лучшем и толерантном виде.

Были воспоминания из прошлого, которые навеяла Елена Боцман с ее творческими мероприятиями и любовью к природе, душевностью бардовой песни.

Очень полезным было для меня побывать на юридическом семинаре. Узнать важные моменты, которые нужны для работы. Обсудить тонкости «обезопасивания» себя, да и просто понимать, что есть юридическая поддержка и заинтересованные профессионалы, готовые помочь.

Столько всего было обсуждено, но это скорее только начало, потому как о многом еще хочется поговорить и узнать.

По окончании этих двух дней было чувство причастности к чему-то большему, чем моя личная индивидуальная история. Название конференции себя оправдало сполна — вот что удалось создать, так это чувство близости и семейности.

Яна Майг

Размышления о конференции

Слово «семья» на сегодняшний день должно сопровождаться множеством знаков вопроса. Ее функции в обществе, ее структура, ее смысл — не поставить все это сейчас под сомнение просто нечестно, а поставить их под вопрос страшно — это же основание всего, и это основание зашаталось, сдвинулось, поплыло — куда? В сторону «гуманизации семейных ценностей» (так называлась прошлогодняя конференция), в сторону плюрализации норм, незаданности сценариев. Мы словно больше не играем по нотам то, что кто-то написал до нас за нас, мы сочиняем мелодию своей жизни и гармонию своих отношений здесь и сейчас. Смена парадигмы пойдет человечеству на пользу. Размягчение жестких схем и расшатывание устойчивых оснований вовсе не признак упадка: живое мягко, пластично и подвижно, все это залог роста и развития. ЛГБТ-сообщество вносит в это развитие свой радужный вклад.

Мы начинаем с чистого листа? Нет, мы

на развалинах большого рухнувшего здания патриархальной семьи. (Или под обломками? Или «недорухнувшего»?)

Да что такое эта «патриархальная модель», если на глаз сказать, а не научно-образно? Может быть, это модель слепоты к человеческому в человеке, в ней человек — носитель ролевой маски, сам он не важен (и не нужен), и маска сотрет лицо и задушит душу. Может быть, шанс быть живым есть только там, где есть готовность принять необычное (а необычен каждый человек, человек по существу существо необычное, от стандартизации ускользающее). «Отсутствие близости в повседневном общении» — это же норма, повседневность (в т. ч. семейная), все-таки, в первую очередь опыт равнодушия и слепоты, а не внимания и близости. Для близости надо выйти из роли, снять маску. Что семья — место близости и открытости, вовсе не само собой разумеется.

Встреча Радужных семей, которую вели Юлия Малыгина и Анна Голубева, была лабораторией творческого проектирова-

ния ЛГБТ-семьи, алхимической риторкой, в которой забурлила радужная субстанция, замелькало разноцветное пламя, и жесткая структура «традиционных семейных ценностей» стала пластичной, как теплый воск. Мы можем слепить, сформировать эту структуру, вместо того чтобы позволять ей корежить и калечить нас.

Мы разбились на несколько групп и искали ответы на три вопроса.

Вопрос первый: что нового мы можем внести в понимание семьи?

Интересно, что большинство говоривших называли преимущества ЛГБТ-семей: мы не «недосемьи», не какое-то искаженное подобие «нормальных» семей (так ли они нормальны, как они думают?), мы ее переосмыслили, превращение ее из репрессивно-дискриминативного социального института, бредовой пьесы, в которой мертвые марионетки играют предписанные роли, в место близости, тепла, правды. Среди наших преимуществ были названы свобода от стереотипов, гибкость сценариев, взаимопонимание между партнерами.

Второй вопрос: чего бы хотелось от себя, от социума, чего не хватает? Пожелания были обращены в основном к социуму: хотелось бы профилактики нетерпимости, санкций против нетолерантности, юридической поддержки, разрешения браков и т. д.

Третий вопрос: как мы можем бороться за себя, что мы можем сделать для себя и что мы уже делаем? Мы можем позволить себе быть собой, говорить о себе, можем объединяться, проводить ЛГБТ-мероприятия, махать иногда флагом (надо же пропагандировать как-нибудь что-нибудь), митинговать и пикетировать, можем (могли бы, наверное) сменить позицию ЛГБТ по отношению к обществу с позиции бунтующего подростка на позицию компетентного взрослого и вести диалог с обществом и властью с позиций компетентности, уверенности и зрелости.

Все затмила чья-то фраза: «Пара — союз двух людей, а не двух ролей», она могла бы стать девизом конференции (впрочем, говорилось и о полиаморных семьях, так что не всегда речь о паре). Близость возникает между людьми, не между ролями; игры, в ко-

торые играют люди (которые играют в игры) могут безнадежно заслонить играющих друг от друга, и прорваться друг к другу никому не легко, настоящая близость никогда ничем не гарантирована. Но пути к ней есть. Или могут быть проложены.

Болезненный для ЛГБТ-сообщества «детский вопрос» был рассмотрен на конференции подробно и разносторонне.

Проблема репрезентации «нетрадиционной» семьи в обществе, такие семьи не принимающем, встанет не только перед самими ЛГБТ-родителями, она встанет и перед их ребенком. Ребенку неизбежно придется рассказывать о своей семье в школе, предъявлять окружению какую-то картинку, а это значит, что родителям придется искать соотношение конкретной ситуации соотношение между правдой и ложью, открытостью и сокрытостью. (Ох уж эта «диалектика открытия/сокрытия», это был лейтмотив конференции, или это лейтмотив ЛГБТ-существования? Вечно наткаться на эту границу, пересекать ее или от нее шарахаться, вечное in-and-out.) Неизбежно придется

вести диалог со старшим поколением и его традиционными идеями, решать проблему ролевой модели для ребенка (об этом говорили Ольга Марк и Александра Кабатова).

Запомнилось вдохновенное и энергичное выступление Леры Энштейн, «помогающей делать детей» однополым парам, показавшей фотографии кучи наделанных.

Надрывным контрастом прозвучал потом реквием по нерожденным детям ФТМ'ов: о том, «чего не может быть» (выступление Трикстера и Люды Орел).

Антон Макинтош высказал такую мысль: само существование транс-людей и их семей деконструирует патриархальную модель семьи. (Существование гомосексуалов тоже.) Вообще деконструкция в исходном философском смысле этого слова подразумевает разрушение традиционной системы бинарных оппозиций. «Небинарные» Т создают сложные семейные структуры, в которых ценность биологического родства снижена: связь с биологическими родителями (а часто и с биологическими детьми) оборвана,

но возникает множество других связующих нитей взаимной заботы, любви, поддержки.

Близость и тепло создаются не биологическим родством; выполнение всех гетеросексистских нормативов не гарантирует создания жизнеспособной семьи. «Семейные ценности агонизируют». Потому и агонизируют, что следование шаблону не обеспечивает стоящего результата. Агонизирует, собственно, шаблон. И деконструируется — нами, ЛГБТ, самим нашим существованием — не семья как таковая, а представление о единственности и всеобщности традиционной ее формы. Наша критика «традиционных семейных ценностей» не столько деструктивна, сколько реконструктивна. Реконструкция, преобразование института семьи — общечеловеческая задача, не только наша, и мы активно и творчески принимаем участие в ее решении.

Взгляд «инопланетянина», записанный с завершающего мероприятия конференции «Закрепления и точки». Записала Ольга Т.

Вот, что увидел инопланетянин на нашей конференции:

За два дня конференции мы поняли очень многое.

На мастер-классе Люды Орел и Трикстера мы осознали, что каждый из нас имеет свою, неповторимую гендерную идентичность и сексуальную ориентацию, у каждого они уникальны.

Среди наших гендеров есть такие, как «цисгендерная женщина», «женщина», «просто девушка», «девушка-феминистка» и другие.

Для нас характерно огромное многообразие внутри самого ЛГБТКИА-сообщества.

Вчера мы услышали о проблемах трансгендерных людей, и для большинства из нас это стало открытием. Мы почувствовали себя ближе к трансгендерным людям, преодолели многие свои стереотипы.

Мы глубоко осознали необходимость толерантности, она остро нужна как внутри сообщества, так и во внешнем для сообщества мире — мы все разные, все люди и каждый человек уникальны, и крайне необходимо взаимное уважение.

К сожалению, в нашем мире есть различные юридические нормы для людей разных гендеров и сексуальных ориентаций — хотя многое преодолимо. На юридическом семинаре для семей мы получили общее представление об этом, и захотели узнать больше.

Конференция имела истинно семейную атмосферу — хаотичную, теплую, открытую и принимающую. Собственно о семье и детях мы пока говорили не так много, больше о ЛГБТКИА-сообществе и его взаимодействии с остальным обществом.

Юморотерапия Кузи впечатлила и поразила нас, ведущая была очень органична

в своем образе. Мы проанализировали установки, заложенные нашими семьями в детстве, какие из них мешали нам жить, и как мы с этим справляемся.

Мы узнали о полиаморных отношениях на мастер-классе, где прошла очень емкая, самоорганизующаяся дискуссия. Это помогло нам понять взгляд полиаморов на мир. Основными принципами таких отношений являются открытость, истинность, этичность. Мы смогли теперь через призму этих принципов взглянуть на свою жизнь. И само обсуждение получилось очень этичным.

Эмоциональная сторона конференции была очень яркой — это и Кузин тренинг, и социодрама, и другие события конференции. Они раскрыли внутренние аспекты наших личностей — мы прочувствовали все, что происходит и прожили это внутри себя. И мы многое унесем с собой.

Спасибо!

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕ-
РЕНЦИИ. ЛГБТКИА-БРАКИ И ПАРТНЕРСТВА.
ВЫЗОВЫ СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ В СОВРЕ-
МЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Редактор • *Анна Голубева*

Художественный редактор • *Юрий Плеханов*

Корректор • *Юлия Эсс*

Компьютерная верстка • *Алексей Крадышев*

Дизайн обложки и макет Юрия Плеханова

Иллюстрации Евгении Кузнецовой

Подписано в печать 21.12.2015

Формат 84 x 108/32. Гарнитура Baltica C. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10.5. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом.

ISBN 978-5-4431-0089-0

9 785443 100890

